

№
2278
436

257

ПАМЯТИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Отклики столичной печати послѣднихъ дней.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Не всякій имѣлъ возможность и не всякій располагалъ временемъ, чтобы слѣдить за печатью послѣднихъ скорбныхъ дней, и тѣмъ пріобщиться къ всеобщему, усиленно бьющемуся пульсу всей нашей родины, безутѣшно оплакивающей потерю—великаго писателя земли русской—великаго генія Л. Н. Толстого.

Издатель, идя на встрѣчу всѣмъ, кто не имѣлъ возможности аккуратно слѣдить за печатью или слышать, — хотя несомнѣнно чувствовалъ инстинктивно великое единеніе всей обширной Россіи въ общемъ горѣ у свѣжей могилы,—на сколько могъ, взялъ у печати ея лучшее и помѣстилъ въ настоящей брошюрѣ.

Въ слѣдующемъ изданіи будетъ, по возможности, собрано все, что попало въ русскую и иностранную печать.

25

2

Великій странник собирается въ путь—узнать народъ.

Въ газетныхъ телеграммахъ въ концѣ октября появились тревожныя вѣсти, что великій мыслитель графъ Л. Н. Толстой въ девятомъ десяткѣ лѣтъ оставилъ родное гнѣздо—Ясную Поляну, гдѣ онъ родился, гдѣ каждый уголокъ стараго дома, портреты, мебель, книги, старыя деревья, которыя Толстой помнитъ сверстниками своего дѣтства, родную деревню съ мужиками и бабами, родившимися и выросшими на его глазахъ и которыхъ всѣ радости и горести ему извѣстны и гдѣ каждый камень и кустъ для него служили лучшими далекими воспоминаніями.

29 октября Л. Н. Толстой прибылъ ночнымъ поѣздомъ въ сопровожденіи доктора въ Оптину Пустынь. Переночевавъ въ монастырѣ, графъ утромъ выѣхалъ на извозчикѣ въ Шамардинскій монастырь къ своей сестрѣ, обѣщая вернуться въ Оптину Пустынь.

Во всѣхъ газетахъ и у всѣхъ на устахъ одна и та же толкуемая на разные лады фраза: „Толстой удалился изъ міра“.

Толстой отрекся отъ міра. Толстой ушелъ отъ міра въ пустыню, въ отшельничество, даже въ монастырь.

Чтобы правильно оцѣнить отъѣздъ Толстого изъ „Ясной Поляны“, надо прежде всего понять, что Толстой отъ міра не удалялся, что Толстой не собирался сдѣлаться какимъ то пустынникомъ, не говоря уже о монастырскомъ житіи, которое по отношенію къ Толстому является совершенно немыслимымъ.

Толстой не уходилъ изъ міра, а наоборотъ—рѣшилъ идти въ міръ.

Отшельничествомъ скорѣе можно назвать его пребываніе въ «Ясной Полянѣ», теперь же въ его душѣ зазвучалъ, какъ у Пушкинскаго Родриго, одинъ властный призывъ.

— Встань и міру вновь явись!

И послушный этому призыву онъ покидаетъ свое жилище и не уходитъ изъ міра, а идетъ въ міръ.

Раскройте «Воскресеніе» и взгляните въ конецъ второй части:

«Да, совсѣмъ новый, другой. новый міръ»,—думалъ Нехлюдовъ, глядя на эти сухіе, мускулистые члены, грубые, домотѣльные одежды и загорѣлыя, ласковыя и измученныя лица, и чувствуя себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ совсѣмъ новыми людьми, съ ихъ серьезными интересами, радостями и страданіями настоящей, трудовой и человѣческой жизни.

Вотъ онъ, le vrai grand monde, думалъ Нехлюдовъ, вспоминая фразу, сказанную княземъ Корчагинымъ, и весь этотъ праздный, роскошный міръ Корчагиныхъ съ ихъ ничтожными, жалкими интересами. И онъ испытывалъ чувство радости путешественника, открывшаго новый неизвѣстный и прекрасный міръ».

Въ этотъ новый многимъ неизвѣстный и прекрасный міръ направился и Толстой.

Онъ порывалъ связи съ тѣмъ обществомъ, которое состоитъ изъ командующихъ классовъ, съ тѣмъ обществомъ, которое имѣетъ достаточно средствъ и досуга, чтобы „погружаться въ искусства, въ науки“, онъ порывалъ съ этимъ обществомъ. причастнымъ къ проливаемой крови и шелъ въ широкой міръ сермяжной, голодной Руси.

Онъ хотѣлъ передъ концомъ жизни прикоснуться, какъ древній Антей, какъ Илья Муромецъ, прикоснуться къ родной землѣ, въ особенную святость которой онъ какъ то по дѣтски и пророчески вѣрилъ Онъ шелъ, чтобы ощутить свою тѣсную связь съ той землей, которую по словамъ поэта

Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
Исходилъ, благословляя.

Толстой ушелъ отъ общества, дающаго тонъ жизни. Да и какъ же было не уйти.

Вѣдь еще много лѣтъ тому назадъ онъ крикнулъ русскому обществу: „Опомнитесь, остано-

витесь, хоть на минуту и подумайте о томъ, что вы дѣлаете. Подумайте о своей жизни“.

Этотъ крикъ бесплодно замеръ въ воздухѣ. Дѣловитое общество назвало его проповѣдью ничего недѣланія. И все шло по прежнему.

Возмущенный варварскимъ обычаемъ сѣченія людей, онъ крикнулъ:

— Стыдно!

Людей продолжали истязать.

Дальше пошло еще хуже.

Справедливо говоритъ Мережковскій: „Говорилъ, кричалъ, плакалъ, вопилъ, умолялъ: „Опомнитесь, что вы дѣлаете? А если не хотите опомниться, то сдѣлайте и со мною то же, что съ другими. Накиньте намыленную веревку на мою старческую шею“.

Никто не услышалъ. Презрѣніе было въ томъ, что его щадили, не трогали, не обращали вниманія“.

Презрѣнія конечно не было. Онъ былъ просто слишкомъ огроменъ, чтобы его можно было тронуть. Вѣдь нельзя скрыть ни Монблана, ни Эльбруса. Въ глубокой древности можно было бичевать море: но какъ ни безумно наше время, бичевать море теперь уже нельзя.

Толстой оставался неприкосновеннымъ, но въ этой неприкосновенности былъ своеобразный ужасъ. Толстой былъ свободенъ, но эта свобода походила на свободу Тараса Бульбы, когда онъ присутствовалъ при смерти своего сына.

И въ отвѣтъ на непрестанно раздававшіся: слышишь ли, Толстой во весь свой голосъ кричалъ: «Слышу, слышу и не могу молчать».

Онъ кричалъ и оставался неприкосновеннымъ. Онъ мучительно завидовалъ тѣмъ, которыхъ сажали въ тюрьмы, хотѣлъ быть на ихъ мѣстѣ, жаждалъ утѣшающаго душевныя муки физическаго страданія, но все было напрасно.

Поймите всю глубочайшую боль, терзавшую измученное сердце великаго старика. Поймите тотъ изумительный ужасъ, когда въ истомленную душу прокрадывается кошмарное сознаніе:

Да вѣдь я плоть отъ плоти ихъ, кость отъ костей. Вѣдь, очевидно, меня потому и оставляютъ въ покоѣ, что я живу одной съ ними жизнью.

Поймите это и вамъ станетъ понятно, что уходъ Толстого былъ освобожденіемъ, что какъ ни больно было ему рѣшиться на разрывъ съ семьей, какъ съ частицей общества, все таки уходя изъ «Ясной Поляны» съ болью въ измученномъ сердцѣ, онъ вздохнулъ свободно.

«Толстой рѣшилъ,—говорить Эрнсфельдъ,—исполнить крайнія требованія христіанскаго ученія... Если рѣшусь это сдѣлать на старости лѣтъ,—высказывалъ Л. Н. какъ то раньше,—то скажутъ, что не выдержалъ семейной обстановки. Я доказалъ, что могу ее выдержать. Колеблюсь не изъ боязни, что мнѣ будетъ тя-

жело, скорѣе боюсь слишкомъ облегчить бремя жизни».

На 83 году онъ сдѣлалъ попытку начать новую жизнь. Какъ герой «Ходите въ свѣтъ» онъ рѣшилъ, что все-таки не поздно.

И онъ освободился и пошелъ...

Онъ пошелъ, а злой недугъ уже сторожилъ свою жертву...

Маленькая станція Астапово, вдругъ обратила на себя вниманіе всего міра. Со всѣхъ концовъ летятъ запросы. Во всѣ концы летятъ отвѣтныя телеграммы...

Неужели все хуже? Неужели нѣтъ надежды?

Сколько людей съ величайшей радостью отдали бы свои жизни, чтобы спасти эту, драгоценнѣйшую единственную?..

Чертковъ о Толстомъ.

Чертковъ прислалъ газетѣ «Утро Россіи» письмо, въ которомъ въ качествѣ близкаго друга гр. Толстого объясняетъ то, что считаетъ возможнымъ объяснить по поводу ухода великаго писателя. Гр. Толстой совершилъ этотъ шагъ ради того, чтобы удалиться въ уединеніе, а потому ему будетъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ меньше люди будутъ разбирать причины его ухода. Въ этомъ смыслѣ было бы лучше всего, если бы перемѣна въ жизни гр. Толстого осталась тайной, но такъ

какъ это невозможно, то необходимо опровергнуть ту ложь, которая проникла въ печать. Чертковъ считаетъ своимъ долгомъ заявить, что Левъ Николаевичъ долго обдумывалъ этотъ шагъ и рѣшился на него потому, что почувствовалъ передъ своею совѣстью, что не можетъ поступить иначе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Черткова, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что такой человѣкъ, какъ Л. Н. ищетъ для себя по возможности тихой, сосредоточенной жизни, чтобы приготовиться къ смерти, приближеніе которой онъ не можетъ не чувствовать. Другьямъ Льва Николаевича будетъ пріятно узнать, что со времени своего ухода изъ Ясной Поляны онъ бодръ, дѣятеленъ и вообще физически чувствуетъ себя хорошо, а душевно продолжаетъ всѣмъ интересоваться и откликаться на то, что дѣлается на свѣтѣ. Такъ онъ успѣлъ уже окончить весьма содержательную новую статью-письмо въ связи съ вопросомъ о смертной казни и собирается приняться за осуществленіе нѣкоторыхъ изъ своихъ художественныхъ замысловъ, которые неотступно слагаются въ его душѣ. Къ окружающимъ его онъ продолжаетъ относиться съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ и обычной для него чуткостью и отзывчивостью. Левъ Николаевичъ ушелъ со своимъ другомъ докторомъ Маковецкимъ, который живетъ съ нимъ уже много лѣтъ и обществомъ котораго онъ дорожитъ не ради его медицинской специальности, къ которой, какъ извѣстно Левъ Нико-

лаевичъ относится отрицательно, а въ виду своей личной дружбы и довѣрія къ нему. Ближайшая помощница Льва Николаевича, дочь Александра Львовна, поѣхала къ нему. Л. Н. желаетъ, чтобы его мѣстопробываніе оставалось по возможности неизвѣстно, а потому всякое разыскиваніе его со стороны кого бы то ни было будетъ прямымъ и тяжелымъ для него нарушеніемъ его воли. Мы можемъ только пожелать ему въ столь скромной обстановкѣ, въ которой онъ ищетъ среди близкаго его сердцу русскаго народа простого уединенія и сосредоточенія, безпрепятственно найти то, чего жаждетъ его душа и чего онъ такъ заслужилъ своимъ неустаннымъ и безстрашнымъ трудомъ въ интересахъ духовныхъ и матеріальныхъ страждущаго человѣчества.

Тамъ, гдѣ Л. Н. Толстой.

Астапсово, 4 ноября.

Какъ только я приѣхалъ, я постарался первымъ долгомъ повидать Софью Андреевну. Я засталъ ее въ углу небольшого станціоннаго буфета, за отдѣльнымъ столикомъ въ кругу семьи.

— Не удивляйтесь, что вы застаете меня здѣсь, сказала мнѣ Софья Андреевна:—я это дѣлаю ради спокойствія дорогого больного.

— Когда онъ уѣзжалъ, онъ выразилъ ясное пожеланіе остаться наединѣ, поработать и отдох-

нута. Мы предполагали, что онъ будетъ внѣ дома недѣли двѣ и затѣмъ вернется въ Ясную Поляну. Но обстоятельства сложились иначе.

— Я не могу сказать точно, гдѣ и когда Левъ Николаевичъ простудился. Можетъ быть еще въ Оптиной Пустыни, можетъ быть въ Шамардинѣ, можетъ быть въ пути изъ Шамардина,

Знаю только, что въ Шамардинѣ Левъ Николаевичъ пережилъ сильное потрясеніе. Онъ думалъ, что его мѣстопробыванія никто не знаетъ. Но и тамъ онъ не могъ укрыться отъ людей, какъ онъ того хотѣлъ.

Первымъ, кажется, пріѣхалъ туда сынъ Чертова. Затѣмъ пріѣхалъ въ шамардинскій монастырь Сергѣенко.

Я съ ужасомъ думаю, что припишутъ пріѣздъ этихъ лицъ въ Шамардино семьѣ. Ни на минуту мы не мѣняли рѣшенія исполнить волю Льва Николаевича, оставить его наединѣ.

Левъ Николаевичъ былъ возмущенъ, что не могъ укрыться отъ людей. Зачѣмъ слѣдить за мной этотъ незнакомый человѣкъ?—говорилъ онъ.

Онъ сталъ торопить съ отъѣздомъ, и послѣ двухдневнаго пребыванія въ монастырѣ уѣхалъ оттуда. По дорогѣ онъ заболѣлъ и вотъ лежитъ здѣсь больной.

При немъ неотлучно моя дочь Александра Львовна. Нами было рѣшено, что я не войду къ больному. Это нужно для его спокойствія.

Каждый разъ, когда Левъ Николаевичъ про-

сыпается отъ сна, онъ спрашиваетъ дочь: что мама, какъ себя чувствуетъ мама? не огорчена-ли мама?

Въ его мысляхъ я и теперь занимаю первое мѣсто. Конечно, дочь его успокаиваетъ на счетъ моего здоровья. Онъ даже не знаетъ, что и я, и вся семья здѣсь, въ Астаповѣ.

Я думаю, что будетъ лучше, если я не пойду къ больному. Онъ несомнѣнно будетъ сильно взволнованъ, когда увидитъ меня и дѣтей, и сердце его не выдержитъ. Вотъ почему я здѣсь.

Подошелъ докторъ Никитинъ съ новѣйшими свѣдѣніями о состояніи здоровья Льва Николаевича, и я не хотѣлъ мѣшать ихъ интимной бесѣдѣ.

Ночь семья Толстого провела въ вагонѣ второго класса, любезно предоставленномъ ей начальникомъ станціи Астапово. Такъ какъ корреспондентамъ не разрѣшили ночевать въ квартирахъ служащихъ, въ казенныхъ зданіяхъ, то они ночь провели въ такъ называемой „мужской уборной“, довольно вмѣстительной комнатѣ.

Утромъ на станціи скрещиваются поѣзда изъ Москвы и изъ Смоленска. Остановка до тридцати минутъ. Семья Толстого собралась къ этому времени въ станціонномъ буфетѣ.

На станціи нѣтъ газетнаго кіоска. Графиня Софья Андреевна просила газетъ. Пріѣхавшій корреспондентъ одной московской газеты далъ ей привезенныя имъ случайно газеты.

Какъ только отошли поѣзда, въ буфетъ появился жандармъ.

— Такъ, что буфетъ закрывается, станція будетъ закрыта до вечера, отпраповалъ онъ.

Софья Андреевна возмутилась.

— Но гдѣ-же сидѣть? Это единственное мѣсто во всемъ мѣстечкѣ, гдѣ можно сидѣть. Наконецъ, здѣсь буфетъ.

— Такъ что по уставу станція послѣ отхода поѣзда запирается, постороннимъ сидѣть не разрѣшается,—настаивалъ на своемъ жандармъ.

О томъ-же онъ сообщилъ корреспондентамъ, собравшимся въ мужской комнатѣ. И они, конечно, возмутились.

— Мы имѣемъ право сидѣть здѣсь до отхода поѣзда за часъ и послѣ отхода поѣзда столько-же. Къ тому-же мы заказываемъ экстренный поѣздъ и имѣемъ право ожидать его на станціи.

Семья Толстого страшно взволновалась. Станція въ непосредственной близости отъ краснаго домика начальника станціи, гдѣ лежитъ Левъ Николаевичъ, съ этимъ домикомъ поддерживаются непрерывныя сообщенія, д-ръ Никитинъ приходитъ каждый разъ съ извѣстіями о положеніи больного, и кромѣ буфета абсолютно негдѣ сидѣть на этой глухой станціи, которой судьбой предназначено стать исторической.

Корреспонденты рѣшили обратиться къ рязанскому губернатору князю Оболенскому, кото-

рый въ это-же утро прибылъ съ цѣлой свитой и помѣстился въ отдѣльномъ вагонѣ.

Князь Оболенскій любезно принялъ депутацію корреспондентовъ, но не могъ имъ ничѣмъ помочь.

— Въ полосѣ отчужденія желѣзной дороги власть моя кончается. Все зависитъ отъ жандармскаго начальника.

Но жандармскій унтеръ-офицеръ остался неумолимъ. Старшій сынъ Толстого Сергѣй Львовичъ телеграфировалъ отъ имени семьи въ Елецъ жандармскому ротмистру, прося разрѣшить семьѣ Толстого оставаться въ станціонномъ буфетѣ.

Корреспонденты дали тоже отъ себя телеграмму, съ просьбой отмѣнить распоряженіе жандарма. Кромѣ того, отправлена коллективная телеграмма въ Петербургъ, съ просьбой разрѣшить непрерывное пребываніе корреспондентовъ въ станціонномъ зданіи.

Между тѣмъ губернаторъ, отнесшійся весьма предупредительно къ семьѣ Толстого и къ корреспондентамъ, переговорилъ съ начальникомъ станціи. Въ концѣ концовъ жандармъ не настаивалъ на исполненіи своего распоряженія до пріѣзда вечернимъ поѣздомъ изъ Ельца желѣзнодорожнаго жандармскаго ротмистра.

Вѣсти о графѣ Л. Н. Толстомъ.

Ясенки (Московско-Куреской жел. дор.).

Ясная Поляна, 31 октября. Сегодня утромъ я посѣтилъ усадьбу графа Л. Н. Толстого; одновременно со мною прибыли изъ Москвы врачи, вызванные къ заболѣвшей отъ нервнаго потрясенія графинѣ Софьѣ Андреевнѣ. Я былъ принятъ графомъ Андреемъ Львовичемъ, который рассказалъ мнѣ слѣдующее: „Причины, по которымъ удалился изъ Ясной Поляны мой отецъ, коренятся въ давнихъ взглядахъ его на такъ-называемую интеллигентную жизнь. Даже нашъ скромный обиходъ и обстановка представлялись ему всегда ненужной роскошью. Вѣроятно Левъ Николаевичъ давно рѣшилъ куда-нибудь уѣхать, чтобы вести жизнь болѣе простую и можетъ быть одинокую. Такимъ образомъ фактъ отъѣзда моего отца хотя и является для всей семьи глубоко огорчительнымъ, но не совершенно неожиданнымъ. Самъ по себѣ отъѣздъ графа не могъ бы разрастись въ чрезмѣрное событіе, если бы не явилось осложненіе. Моя мать, менѣе всѣхъ ожидавшая такого шага графа, приняла къ сердцу это происшествіе. Ея горе было такъ велико, что она не удовлетворилась только слезами и словами сожалѣнія, но, впавъ въ глубокое отчаяніе, даже покушалась на самоубійство и бросилась въ прудъ. Ея нервы не выдержали. Разлука

съ Львомъ Николаевичемъ ей показалась несчастіемъ непоправимымъ. Этотъ печальный случай потрясъ всю нашу семью. Этотъ фактъ совершенно интимный, не подлежащій оглашенію въ печати, но, неожиданно для насъ, въ тульской и московскихъ газетахъ появились описанія нашего семейнаго горя, и при томъ въ тонѣ извѣстій, называемыхъ сенсационными. Поэтому я теперь рѣшаюсь самъ разсказать вамъ все, что знаю, чтобы появились точныя свѣдѣнія о происшествіи въ Ясной Полянѣ. Отецъ мой былъ за послѣднее время вполне здоровъ; ѣздилъ верхомъ, но письменными работами занимался менѣе обыкновеннаго. Рѣшивъ уѣхать, онъ никому объ этомъ не сказалъ, даже моей сестрѣ Александрѣ Львовнѣ. Онъ лишь недавно далъ ей знать, гдѣ находится, и моя сестра немедленно уѣхала къ нему. Намъ она о мѣстопробываніи Льва Николаевича не сообщила, такъ какъ моя мать, поправившись отъ нервнаго припадка и зная, гдѣ находится мой отецъ, сейчасъ же отправилась бы къ нему и конечно согласилась бы раздѣлить съ нимъ даже самыя суровыя условія жизни, лишь бы не разлучаться съ любимымъ супругомъ. Что касается насъ, остальныхъ членовъ семьи Льва Николаевича, то мы держимся такого взгляда на отъѣздъ отца: ни разыскивать его, ни убѣждать возвратиться мы не считаемъ себя въ правѣ. Желаніе, воля отца для насъ священны. Мы глубоко скорбимъ,

мы желаемъ его возвращенія, но какъ поступить Левъ Николаевичъ, это намъ неизвѣстно“. Въ заключеніе графъ Андрей Львовичъ сказалъ мнѣ, что семья Толстого протестуетъ противъ всякаго раздутія этого происшествія, противъ газетнаго шума и всякихъ преувеличеній, которыя уже явились въ печати. Гг. корреспонденты, собирая свои свѣдѣнія окольными путями, напечатали въ московскихъ изданіяхъ замѣтки, которыхъ по мнѣнію моего собесѣдника печатать вовсе не слѣдовало. Я пробылъ съ часъ въ Ясной Полянѣ. Все въ усадьбѣ, даже слуги, въ глубокомъ уныніи. Говорятъ, графъ Л. Н. Толстой уѣхалъ въ сопровожденіи своего домашняго доктора. Своей семьѣ онъ дѣйствительно оставилъ записку, заявляя, что онъ тяготится жизнью барства, просилъ не беспокоиться о немъ и увѣрялъ, что ему нуженъ покой и простая обстановка, соответствующая его всегдашнимъ взглядамъ. Слышалъ я на станціи отъ случайныхъ собесѣдниковъ рассказы о томъ, что Толстой уѣхалъ не то за границу, не то къ монахамъ въ Оптиной Пустыни, въ Козельскомъ уѣздѣ. Говорятъ еще, что графа вообще тяготила собственность и поэтому онъ захотѣлъ испытать жизнь полнаго бѣдняка.

Я проѣзжалъ деревней Ясной Поляной: толстовскіе сосѣди-крестьяне живутъ повидимому очень хорошо. Большинство домовъ изъ кирпича и крыты желѣзомъ. Деревянные домики выкра-

шены и чисты. Убогихъ построекъ кажется совсѣмъ нѣтъ.

(Письмо въ редакцію Нов. Вр.).

М. г. По поводу отъѣзда моего отца изъ Ясной Поляны пишутъ такъ много неправды въ иностранныхъ и русскихъ газетахъ, пишутъ напримѣръ грязныя и несправедливыя догадки, что Л. Н. уѣхалъ отъ семейныхъ непріятностей, оттого, что семья желала продать его сочиненія за милліонъ и т. д., что я рѣшился высказать мой взглядъ на удаленіе отца отъ міра. Я думаю, что Львомъ Николаевичемъ тутъ руководила исключительно религіозная идея: одиночество въ Богѣ. Пусть міръ меня осудитъ, пусть будетъ горе жены и дѣтей, но я „долженъ“ спасти душу до конца, уяснить себѣ мою сущность въ послѣдніе дни моей жизни. Вотъ главная и единственная причина поступка, и никакихъ другихъ тутъ нѣтъ и не можетъ быть.

Гр. Л. Л. Толстой.

Парижъ.

31 октября 1910 г.

Астапово, 3 ноября, 7 ч. 11 м. утра.

Сейчасъ бесѣдовалъ съ однимъ другомъ, бывшимъ сегодня около Толстого минутъ восемь. Впечатлѣніе серьезно больного, но не умирающаго человѣка. Мой собесѣдникъ видѣлъ Толстого во время послѣдней его болѣзни, въ Крыму; тогда впечатлѣніе было гораздо хуже. Л. Н. съ

интересомъ обо всемъ говорить, обстоятельно отвѣчалъ на письмо, которое мой собесѣдникъ послалъ ему двѣ недѣли тому назадъ, входилъ въ самыя мелкія подробности и шутилъ. Сегодня онъ недолго писалъ дневникъ и на нѣсколько минутъ допустилъ также пріѣхавшаго къ нему изъ Москвы друга-писателя.

Астапово, 3 ноября, 9 час. вечера.

Сегодня вечеромъ Толстой чувствовалъ себя хорошо и весь вечеръ слушалъ чтеніе газетъ. Читаютъ по очереди Маковецкій, переписчица и Чертковъ. Л. Н. просилъ читать все подрядъ, пропуская только то, что пишутъ о немъ.

Пріѣхалъ Илья Львовичъ.

Въ десять часовъ температура была 37,10.

Астапово, (ж. д.), 4 ноября 9 ч. 50 м. утра.

Въ ночь на четвергъ Толстой заснулъ около девяти часовъ, спалъ плохо,—то просыпался, то находился въ дремотѣ, температура 37. Ночью пульсъ улучшился и былъ 100 подъ утро, температура 38,3, потомъ она понизилась до 38. Къ утру Толстой проснулся и чувствовалъ себя крѣпче. На станцію Астапово прибылъ рязанскій губернаторъ Оболенскій и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы со станціи были удалены всѣ, кто здѣсь остановился. Чѣмъ вызвано это распоряженіе, неизвѣстно. Графиня Толстая сообщила намъ, корреспондентамъ, что все время Левъ Николаевичъ вспоминаетъ ее и со слезами говоритъ о ней. Когда къ нему пріѣзжала Татьяна Львовна,

онъ очень просилъ, чтобы оберегали Софью Андреевну въ Ясной Полянѣ и ни подъ какимъ видомъ не говорили, гдѣ онъ находится и что онъ хвораетъ. „Я не знаю,—говорила графиня,— что хуже для Льва Николаевича: вѣчное безпокойство обо мнѣ, или внезапное со мной свиданіе, которое, какъ увѣряютъ, можетъ повредить его здоровье. А по моему, если онъ меня увидитъ, то все его безпокойство кончится. Мнѣ рассказывали, что, какъ только онъ вспомнитъ обо мнѣ, то сейчасъ начнетъ рыдать и говорить: „что наша мама? не сообщайте ей ничего, не безпокойте ее, старайтесь, чтобы она ничего не узнала обо мнѣ“; и это меня такъ волнуетъ и мучитъ“! Я сорокъ восемь лѣтъ прожила съ мужемъ, а меня не допускаютъ до него! Это ужасно“. Толстой вчера охотно съѣлъ два яйца въ смятку, пилъ молоко. Улучшеніе пульса служитъ хорошимъ показаніемъ. Врачи надѣются на выздоровленіе, хотя возможно осложненіе, главнымъ образомъ необходимъ больному полный покой. Въ смыслѣ обстановки, Толстой пользуется и прекраснымъ уходомъ, и хорошимъ помѣщеніемъ. Остается тщательно наблюсти покой душевный. Очень важно, чтобы Толстой не узналъ все то, что происходило въ Ясной Полянѣ. Съ этой цѣлью ему не читаютъ газетъ, хотя онъ продолжаетъ просить, чтобы Чертковъ или Маковецкій сообщили ему разныя свѣдѣнія изъ газетъ. Къ своимъ врачамъ, Никитину и Маковецкому, Тол-

стой относится съ любовью и довѣріемъ, и не выражалъ желанія вызвать другихъ докторовъ.

Астапово, 4 ноября, 10 ч. 50 м. утра.

Толстому легче; въ 11 часовъ ночи температура 37,8, пульсъ улучшенный.

Астапово, 4 ноября, 1 ч. 15 м. дня.

Сегодня за обѣдомъ въ залѣ I класса графиня Толстая рассказывала корреспондентамъ о причинахъ внезапнаго выѣзда Льва Николаевича изъ Шамординскаго монастыря. По ея словамъ, Толстой, уставъ отъ дороги, хотѣлъ недѣли двѣ пожить въ той обители, гдѣ живетъ монахиней его сестра, чтобы отдохнуть и поработать. Онъ исполнилъ бы свое намѣреніе, но сначала его тревожилъ какой то неизвѣстный, все время ходившій около оконъ квартиры, гдѣ помѣщался писатель; нѣтъ-нѣтъ, да и пройдетъ мимо и заглянетъ. „Это сыщикъ“,—рѣшилъ Левъ Николаевичъ. Этимъ „сыщикомъ“ оказался сынъ безызвѣстнаго литератора Сергѣенки. Черезъ нѣкоторое время неожиданно и негаданно пріѣхалъ и самъ г. Сергѣенко, секретарь Черткова. Толстой былъ пораженъ и сказалъ: „Значить, меня легко отыскать, я этого не думалъ“, и онъ тутъ же сталъ поспѣшно собираться въ дорогу, но доѣхалъ только до Асташева. Мѣстный желѣзнодорожный врачъ нашелъ слѣдованіе дальше невозможнымъ, и вотъ теперь Левъ Николаевичъ находится здѣсь, въ квартирѣ начальника станціи.

Астапово, 5 ноября 12 ч. 50 м. дня.

Около десяти часовъ утра температура была 37,4. По желанію Толстого къ нему допустили Татьяну Львовну. Она пробыла относительно долго. Изрѣдка онъ задавалъ вопросы, но больше молчалъ. Часто, задавъ вопросъ, впадалъ въ забытіе. Затѣмъ онъ попросилъ почитать вслухъ. Полагаютъ, что онъ слушаетъ мало, но звуки отвлекаютъ его отъ мыслей. Время отъ времени Л. Н. бредитъ.

Около двѣнадцати часовъ дня снова измѣряли температуру. Оказалось 37,1. Дыханіе частое, пульсъ выше ста съ частыми перебоями, невысокаго напряженія. Воспалительный процессъ въ лѣвомъ легкомъ въ прежнемъ положеніи. Въ правомъ легкомъ хрипъ. Состояніе вялое, чрезвычайная слабость, частая мучительная икота. По словамъ врача, сознаніе полное, хотя и есть нѣкоторая апатичность и быстрая утомляемость.

Въ полдень Толстого перенесли на время въ сосѣдную комнату, а въ залѣ, гдѣ онъ обыкновенно лежитъ, открыли форточку и вынесли провѣтрить матрасъ и мебель.

Сегодня опять впрыскивали камфару.

Изъ Ясной Поляны привезли халатъ и подушку. Толстой, узнавъ вещи, спросилъ, кто привезъ.

Пріѣхали Буланже и докторъ Беркенгеймъ.

Вагонъ, въ которомъ помѣщается семья Л. Н.,

замѣнили другимъ, лучше устроеннымъ. Рядомъ стоитъ другой вагонъ, врачебный.

Чертковъ сегодня впервые показался на вокзалѣ; онъ провожалъ сына.

Астапово уже сильно переполнено, новымъ прїѣзжимъ не найдется пристанища.

Тяжелое впечатлѣніе на семью произвело извѣстіе, что заграничныя газеты напечатали сообщенія о смерти Л. Н. и помѣстили некрологи.

По желанію Толстого его кровать поставлена приблизительно такъ, какъ стояла въ Ясной Полянѣ, хотѣли поставить посрединѣ комнаты, но больной запротестовалъ. Около кровати—столикъ. Кровать отгорожена отъ свѣта ширмой. Л. Н. лежитъ къ окну затылкомъ.

Говорятъ, будто обсуждался вопросъ о правѣ Черткова жить въ Рязанской губерніи и рѣшенъ утвердительно.

Роковое совпаденіе.

Астапово. По роковому стеченію обстоятельствъ въ „Кругѣ чтенія“, любовно составленномъ въ теченіе многихъ лѣтъ самимъ Львомъ Николаевичемъ на каждый день, въ день на 7-е Ноября говорится только о смерти, только о ней одной. Какъ будто великій старецъ предчувствовалъ какое значеніе будетъ имѣть для него этотъ роковой день, для него и для всего міра.

Вотъ что тамъ написано:

„Жизнь есть сонъ, смерть—пробужденіе“.

Затѣмъ изъ Монтепена выдержка:

„Смерть есть начало другой жизни“. Затѣмъ выдержки изъ Цицерона:

„Я не жалью о томъ, что родился и прожилъ большую часть моей жизни, потому что когда я жилъ, я имѣю причины думать, что принесъ нѣкоторую пользу людямъ. Когда придетъ конецъ, я оставляю жизнь—какъ будто ухожу изъ гостинницы, а не изъ своего дома, потому что я думаю, что наше пребываніе здѣсь преходящее, только временное“.

Ниже написано собственной рукой Толстого:

„Мы можемъ только гадать о томъ, что будетъ послѣ смерти. Будущее отъ насъ скрыто. Оно не только скрыто, но не существуетъ, такъ какъ будущее говоритъ о времени, а мы же со смертью уходимъ въ безвременье“. (Р. С.)

Послѣднія мысли Толстого.

Наканунъ смерти, въ минуту просвѣтленія покойный Левъ Николаевичъ диктовалъ свои мысли, носившія отрывочный характеръ о ложномъ мнѣніи и неправильномъ сужденіи людей, отчего происходитъ неправильная жизнь.

„Я самъ,—пишетъ Левъ Николаевичъ,—ухожу изъ жизни, но останутся люди, которые сознаютъ истинный смыслъ жизни и имъ суждено будетъ

осуществить то, къ чему стремился я въ теченіе всей своей жизни и что мнѣ не удалось“.

Послѣднія слова Толстого.

Въ часъ ночи Левъ Николаевичъ пришелъ на нѣсколько мгновеній въ себя, тихо вздохнулъ и спокойно сказалъ:

„Ну, теперь все кончено“.

Это были послѣднія слова угасшаго великаго старца земли русской. Послѣ часа положеніе рѣзко ухудшилось. Появилась зловѣщая синева.

У М Е Р Ъ.

На всеподданѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о кончинѣ графа Л. Н. Толстого Его Императорское Величество соизволило начертать нижеслѣдующія слова:

«Душевно сожалѣю о кончинѣ великаго писателя, воплотившаго во времена расцвѣта своего дарованія, въ твореніяхъ своихъ, родные образы одной изъ славнѣйшихъ годинъ русской жизни. Господь Богъ да будетъ ему Милостивымъ Судіею».

Умеръ Толстой.

Всего два слова, но тревожной волной они облетяютъ весь міръ и въ одинъ мигъ объединяютъ все, что есть мыслящаго, чувствующаго, сознающаго въ человѣчествѣ.

«Великій писатель земли русской» — этотъ высшій титулъ, котораго такъ неотъемлемо не удостоился ни одинъ человѣкъ, рожденный на русской землѣ за всѣ вѣка ея исторіи, сталъ малъ для Толстого.

Толстой сталъ великимъ писателемъ міра, великимъ писателемъ всѣхъ странъ и народовъ. Но

и этого мало для него. Онъ сталъ совѣстью міра, совѣстью человѣчества.

Русскій языкъ мало распространенъ за предѣлами родины нашей. Но вездѣ, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и Австраліи, вездѣ, гдѣ люди чтутъ моральныя цѣнности, было одно всѣмъ понятное, всѣмъ дорогое, всѣхъ объединяющее русское слово:

— Толстой!

Среди насъ жилъ самый великій человѣкъ современнаго человѣчества, человѣкъ, въ которомъ олицетворялась самая высшая моральная цѣнность, доступная міру.

Были у человѣчества художники и писатели сродни Толстому, но ни Шекспиръ, ни Гете, ни Данте, ни Руссо, не достигли такого мірового нравственнаго обаянія.

«Человѣкъ онъ былъ» и все человѣческое въ буряхъ великихъ, въ переживаніяхъ недосыгаемо глубокихъ проходило чрезъ его душу, преломлялось сквозь его титаническій темпераментъ, и возвращалось людямъ въ неотразимыхъ образахъ, которые казались живѣе самой жизни, въ словахъ волнующихъ, простыхъ и величавыхъ, въ которыхъ звучала первозданная правда.

Нѣтъ словъ, нѣтъ образовъ, которые могли бы измѣрить величіе этого титана, значительность этой библейской фигуры.

Не было той житейской мелочи, которая не выросла бы въ событіе, не приобрѣла бы міровой

интересъ, разъ дѣло касалось жизни Льва Толстого.

Что-то богатырское было въ этомъ человѣкѣ, который такъ безспорно и такъ естественно занялъ высшее положеніе въ современномъ мірѣ.

Въ немъ все было такъ просто, такъ человѣчески обыденно, начиная съ его дѣтскихъ и отроческихъ переживаній и кончая бурями и сомнѣніями, вѣрой и невѣріемъ дальнѣйшихъ годовъ.

Но все это обыденное, все это простое, всѣмъ людямъ свойственное, было въ немъ необычайно. Онъ все это переживалъ съ сверхчеловѣческой силой, глубиной и яркостью.

И эта смерть столь простая и столь необычайная. Смерть русскаго мужика, который въ глубокой старости ушелъ отъ міра, чтобы слиться съ безличной и безымянной, ищущей и бродячей Русью...

Но отъ этой простоты содрогнулся міръ.

Дуновеніе высокой правды, дуновеніе подвига и пророчества, дуновеніе святости ворвалось въ міръ, столь занятый, столь поглощенный переходящими интересами трудной и напряженной жизни.

Толстой ушелъ отъ міра.

Толстой заболѣлъ и слегъ на какой-то глухой станціи.

Толстой умеръ.

Предъ этими краткими сообщеніями стушевались всѣ другіе интересы.

Черезъ моря и материки, черезъ всѣ разъединенія и раздѣленія магическое имя Толстого вдругъ объединило человѣчество.

И эта легендарная смерть увѣнчиваетъ легендарную жизнь и во вѣки изъ исторіи человѣчества, изъ комплекса его моральныхъ цѣнностей нельзя будетъ вычеркнуть того, что среди насъ жилъ и творилъ Левъ Толстой.

Среди насъ жилъ этотъ человѣкъ, жизнь котораго — великое художественное произведеніе, твореніе котораго жизненноѣ самой жизни.

Толстой не былъ человѣкомъ святымъ, не былъ человѣкомъ не отъ міра сего. И слава Богу. Онъ ошибался, и намъ дороги эти ошибки. Онѣ приближаютъ его къ намъ.

Совершенство его художественнаго творчества порою пугаетъ, возбуждаетъ мистическій ужасъ. Въ его ошибкахъ мы ощущаемъ чаловѣческое, земное, то, что роднитъ его съ нами. И еще ближе и дороже становится онъ намъ...

Онъ захотѣлъ уйти отъ насъ въ свое великое уединеніе. Онъ вѣдь всегда былъ одинокъ, онъ былъ слишкомъ не въ мѣру обыкновеннымъ людямъ.

Онъ достигъ своей цѣли быстрѣе и легче, чѣмъ онъ думалъ. Онъ ушелъ въ послѣднее одиночество. Онъ вѣрилъ въ жизнь вѣчную, и никто изъ живущихъ людей не стоялъ ближе, чѣмъ онъ, къ жизни вѣчной...

Умеръ.

Сейчасъ, въ туманный день, на грязной улицѣ провинціальнаго города мнѣ подали телеграмму. Газетчикъ сказалъ только одно слово: умеръ! Двое прохожихъ рѣзко остановились, повернувшись къ намъ. Четверо незнакомыхъ людей знали, о комъ можно было сказать это роковое слово, не прибавляя, кто умеръ. Умеръ человѣкъ, приковавшій чувства всего міра.

Если былъ писатель, о которомъ можно сказать, что его знали всѣ,—это былъ Толстой, титанъ современнаго человѣчества. Легендарные титаны громоздили горы на горы. Толстой наяву двигалъ такими горами человѣческаго чувства, какія не подъ силу царямъ и завоевателямъ.

Слезы невольно просятся на глаза. Есть что-то дѣтски трогательное въ довѣрчивой безпечности, съ которой этотъ слабый старикъ пошелъ навстрѣчу смерти. Но всѣ личныя чувства смолкаютъ, поглощенные торжественнымъ величіемъ минуты.

Я стоялъ съ листкомъ въ рукѣ, и странное ощущеніе охватывало душу: представлялось невольно, какъ электрическій токъ летитъ дальше, опоясывая землю и всюду отчеканивая огненной искрой два слова: Толстой умеръ. И кажется, что за той искрой несется настоящій циклонъ душевныхъ движеній и что звучитъ въ немъ горе

объ утратѣ, любовь, высшіе вопросы жизни и смерти, исканія и сомнѣнія, и предчувствіе великихъ рѣшеній.

Наша страна бѣдна и безправна, но она дала міру Толстого, смерть котораго говоритъ такъ внятно о вѣчной неумирающей жизни.

В. Короленко.

Въ мірѣ—покойникъ.

Когда въ домѣ покойникъ,—благословѣнная, молитвенная тишина воцаряется въ домѣ. Сейчасъ у насъ, въ Россіи, покойникъ. И не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ мірѣ,—*у насъ на землѣ*,—повсюду, гдѣ знали имя Толстого, куда проникало его вѣщее міровое слово. И надъ всей Россіей, надъ всѣмъ міромъ пронесется историческій мигъ благословѣнной, молитвенной тишины.

Милліоны человѣческихъ душъ сольются въ одномъ чувствѣ, глубокомъ и высокомъ, скорбномъ и лучезарномъ: умеръ другъ человѣчества, но онъ безсмертенъ; осиротѣло человѣчество, но въ этотъ мигъ оно чувствуетъ свое единство, какъ давно не чувствовало, и яснѣе, чѣмъ когда-либо, сознаетъ идеальную цѣль, къ которой оно должно стремиться.

Гробъ Толстого, какъ и его жизнь,—символь братства народовъ, всечеловѣческаго единенія,—

идеальный цнтръ тяготѣнія человѣка къ человеку. Милліоны могли оставаться глухи къ ученію Толстого, могли не раздѣлять его идей, но его голосъ, звучавшій во всѣхъ частяхъ свѣта, внушалъ людямъ неотразимую мысль, что они братья, и что ихъ жизнь должна быть основана на началахъ евангельской любви. Не умолкъ и не умолкнетъ этотъ голосъ.

Въ настоящую торжественную минуту, среди благоговѣйной тишины, когда въ мірѣ—покойникъ, человѣческій идеалъ, проповѣди котораго посвятилъ Толстой свою жизнь, витаетъ надъ всѣми нами, сынами земли, и наша всемірная скорбь озаряется отблескомъ великихъ упованій, лучезарнымъ свѣтомъ безсмертнаго имени великаго друга человечества.

Д. Овсяннико-Куликовскій.

Вѣчный покой! Вѣчная память! Вѣчная слава!

Это не было неожиданно. Всѣ мы ожидали этого, самаго страшнаго, самаго потрясающаго. И всѣ мы отбрасывали отъ себя мысль, холодную, жестокую, черную мысль о смерти.

А смерть стояла уже надъ головой Великаго Старца. Мы ясно видѣли ея рѣзкія очертанія. Мы ощущали близость рѣшительнаго момента. Мы чуяли великую минуту рѣшенія рока.

И мы не вѣрили, не хотѣли, не могли вѣрить.

Вырвать у Россіи, у родины-матери, у родины-мученицы, лучшее ея достояніе, прекраснѣйшаго сына, геніальнаго царя художественнаго слова, отнять самое дорогое, самое драгоцѣнное наше достояніе; уничтожить то, что красило нашу жизнь, давало ей блескъ и радость и наполняло сердце гордостью; похитить лучшаго, перваго, вѣнценоснаго человѣка въ Россіи. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Самый отвратительный, самый проклятый рокъ не можетъ быть такимъ несправедливымъ, такимъ нелѣпымъ и безпощаднымъ.

И, однако, самое страшное совершилось.

Толстой отошелъ въ вѣчность.

Онъ отошелъ въ вѣчность. Въ вѣчный покой. Но вѣчно Его безсмертіе. Вѣчна Его слава. Вѣченъ Его великій и прекрасный духъ. Вѣчно Его слово, которое онъ поднялъ на геніальную высоту, на высоту солнца. Вѣченъ подвигъ Его жизни, увѣнчанный такимъ трагическимъ и величавымъ концомъ.

Толстой умеръ, и Россія, дѣйствительно осиротѣла.

Не было такого сына у Россіи до сихъ поръ. Никогда, въ теченіе всей нашей несчастной исторіи, не дарила намъ судьба такого драгоцѣннаго и безсмертнаго алмаза, какимъ былъ Толстой. Издѣвавшаяся надъ нами судьба рѣдко дарила насъ рыцарями Святого Духа, которые всѣ—на перечетѣ.

И выше ихъ, краше ихъ былъ и во вѣкъ будетъ Толстой.

Оцѣнить теперь, когда Его еще не опустили въ нашу страдальческую, мужицкую землю, въ могилу русской земли, облитой потомъ, кровью и слезами крестьянина, котораго такъ любилъ, такъ боготворилъ Толстой—оцѣнить Его теперь, учесть эту безумную утрату—невозможно. Нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, чтобы выразить конкретно, реально, нашими слабыми словами всю тяготу этой утраты.

Нужно быть такимъ гениемъ художественнаго слова, какимъ былъ Толстой, чтобы въ словѣ выразить нашу скорбь, наше великое неизбывное горе. И еще большимъ гениемъ нужно быть, чтобы оцѣнить Толстого, изслѣдовать, измѣрить Его значеніе для насъ и неимоверную, колоссальную работу, Его подвижничество ради всего человѣчества, а не только Россіи.

Нѣтъ, судьба не всегда будетъ несправедлива къ родинѣ. Если она дала намъ Толстого, то однажды дастъ и того, кто Его оцѣнитъ, выявитъ Его силу и славу и скажетъ своими вѣщими словами, кого мы имѣли и что потеряли въ лицѣ Толстого.

Теперь и не надо говорить объ этомъ. Пошлемъ проклятiе безразсудной смерти, которая безсмысленно и жестоко похитила, отняла у насъ, ограбила насъ, унесла цѣннѣйшую жизнь Великаго Старца.

Унесла въ моментъ, когда Онъ раскрылъ свою душу во всемъ ея божественномъ величїи и ушелъ на новый, прекраснѣйшій подвигъ— подвигъ уединенія, самосозерцанія, подвигъ подведенія итоговъ Своей жизни, революціонный подвигъ разрыва со всѣми самыми близкими, самыми нѣжными для сердца людьми.

Проклятіе этой смерти, которая не дала Великой Душѣ и Великому Сердцу насладиться желанной во всю жизнь мечтой— въ отшельничествѣ спокойно уйти къ Богу.

Вѣчный покой...

Вѣчный покой снизошелъ и успокоилъ, наконецъ, душу и тѣло Великаго Старца.

Вся культурная Россія въ траурѣ. Въ траурѣ глубокомъ, искреннемъ, страдальческомъ.

Съ величайшимъ благоговѣніемъ стоимъ мы около мертваго тѣла Великаго Старца.

Колѣнопреклоненно мы цѣлуемъ Его божественную руку, творившую перомъ своимъ безсмертныя творенія.

Кланяемся Его великому праху, который будетъ безсмертенъ.

Молча, въ послѣдній разъ взглянемъ въ Его закрытыя очи, столь проникновенно смотрѣвшія на міръ, на жизнь, на людей, на ихъ души.

И пусть наши слезы и наше горе будутъ вѣнкомъ на Его прекрасную могилу.

И со скорбью мы не можемъ не вспомнить, какую лютую, жестокую, инквизиторскую злобу

великій Толстой вызывалъ къ себѣ въ гасителяхъ свѣта.

Умолкнетъ ли ихъ злоба? Преклонятъ ли злобствующіе свои презрѣнныя головы предъ прахомъ Святого Свѣта Россіи?

И съ любовью провожая въ землю дорогіе останки великаго человѣка съ великимъ сердцемъ, мы врагамъ Его, Его преслѣдовавшимъ, гнавшимъ, клеветавшимъ, повторимъ гнѣбныя слова поэта:

А вы, надмѣнные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастья обиженныхъ рабовъ,
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ а правда—все молчи.
Но есть и Божій судъ, наперстники разврата,
Есть грозный Судія. Онъ ждетъ...
Онъ ждетъ. И заклеимъ васъ.

Ник. Ашешовъ.

Толстой.

Умеръ Толстой! Какъ ударъ грома, дѣйствуетъ сопоставленіе этихъ двухъ простыхъ словъ. И смерть—такая простая, такая понятная, такая психологически-неизбѣжная и такая удивительная, такая необычайная! Съ ней нельзя мириться—и нельзя не помириться. Великая жизнь не

могла, не должна была окончиться обыкновенной смертью. Толстой не могъ умереть, какъ всѣ. Онъ долженъ былъ умереть, какъ Толстой. Но когда онъ умеръ, наша первая, слабая мысль: зачѣмъ онъ умеръ? Въ суетѣ первой минуты, у неостывшаго трупа нельзя отвязаться отъ этихъ мелкихъ, невольныхъ мыслей: не доглядѣли, не сберегли! Слабый, дряхлый старикъ вышелъ, какъ король Лиръ, въ темную ночь... Въ пустынь онъ остался одинъ со своей безумной мыслью... И погибъ отъ случайной, мелкой человѣческой причины, отъ утомленія въ дорогѣ, отъ непосильнаго напряженія, отъ случайностей температуры, быть можетъ, отъ неприспособленной къ дорогѣ одежды...

Мысли неизбежныя, но суетныя. Величіе минуты съ ними не мирится. Мы должны понять эту кончину, какъ, очевидно, хотѣлъ ее понять самъ покойный. Эта смерть есть освобожденіе, высшее торжество духа, полная побѣда свободы. Покойный хотѣлъ ея, шелъ ей навстрѣчу. Онъ не зналъ, когда она придетъ, но онъ зналъ, что дѣлалъ, когда въ предразсвѣтной тьмѣ покидалъ родныхъ и близкихъ, покой и довольство, устремляясь въ безвѣстную даль предсмертнаго уединенія. И отрѣшившись отъ всѣхъ мелочей и частныхъ, отъ земной оболочки событія, мы должны перенестись мыслью къ той цѣли, которая стояла передъ глазами ясновидца, которая дала крѣпость его волѣ, создала, быть можетъ внезапно для него самого, давно готовившееся, но теперь

уже безвозвратное рѣшеніе. Не семейные споры, не излишняя хозяйственность яснополянской жизни, даже не одна только потребность найти примиреніе между идеаломъ и жизнью продиктовали это послѣднее рѣшеніе. Все это были бы причины мелкія для того сосредоточеннаго въ себѣ настроенія, которое давно уже переживалъ Толстой. Съ высоты совершившагося факта все это отмѣчается, какъ второстепенное, и въ уходѣ Толстого остается то главное и единственное, что составляетъ основной смыслъ, трагическій и примиряющій, этого ухода, Толстой готовилъ себя къ послѣднему акту своей жизни; онъ искалъ соотвѣтствующей обстановки, которая рисовалась ему болѣе въ отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ чертахъ. Не такъ, не здѣсь, а гдѣ-нибудь наединѣ съ самимъ собой, безъ людей, въ безвѣстности, все равно, «въ монастырѣ», «подъ заборомъ»...

И всѣ какъ-то сразу поняли и почувствовали, что это огромное усиліе воли было уже послѣднимъ, что это—конецъ. Не только здѣсь, но и за границей поняли, что великій Толстой пошелъ умирать. Актъ ухода—это былъ больше, чѣмъ актъ смерти, потому что это былъ актъ воли и свободы. И о живомъ Толстомъ писали не какъ о мертвомъ, а какъ о преображенномъ. И напрасно возражали родные и близкіе: онъ нашъ; онъ вернется въ Ясную Поляну. Напрасно толковали іерархи: онъ пошелъ каяться, онъ будетъ нашъ, онъ вернется въ церковь.

Напрасно шипѣли профессиональные ненавистники: это «чужой гипнозъ», новый капризъ, внушенный «злымъ гениемъ», и новое паденіе... Великій Толстой не слыхалъ съ высоты своего преображенія ни этихъ тоскливыхъ вздоховъ, ни этихъ злорадныхъ выкриковъ. Одинокій, онъ пошелъ путемъ *своего* избранія и не вернулся... Нѣтъ, это былъ не путь «злого генія», а путь просвѣтленнаго человѣка, путь святаго Франциска, путь Гаутамы-Будды, путь безконечной любви и жалости къ человѣческому, при всемъ видимомъ его отрицаніи.

Бѣдные, слѣпые кроты, эти близкіе, эти іерархи, эти завистники! Въ смерти, какъ и въ жизни, Толстой остался нашимъ, остался съ нами, но потому, что онъ пошелъ *этимъ* путемъ, а не ими указаннымъ: ушелъ, а не умеръ. Онъ зналъ, что идетъ не на смерть, а на новую жизнь,—ту жизнь, о которой давно разсказалъ въ своей книгѣ «о жизни». Тогда еще, давно, онъ объяснилъ намъ, какъ онъ одолѣлъ въ себѣ страхъ смерти. И, несмотря на всю мистику этой книги, несмотря на ортодоксализмъ формы, въ религіи Толстого мы любимъ то человѣческое, что онъ запечатлѣлъ теперь своей смертью. Въ этой смерти, какъ и въ жизни своей, Толстой принадлежитъ всему человѣчеству, которому онъ далъ теперь новый, яркій и вѣчный символъ—безсмертія.

Толстой умеръ.

«... Творецъ вселенной!
Услышь мольбы полнощный гласъ:
Когда тобой опредѣленный
Настанетъ мой послѣдній часъ,—
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ ангель разрушитель,
Какъ гость издавна-жданный мной,
Мой взоръ измѣритъ великана;
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольнаго тумана,
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ.

Хомяковъ.

Толстой умеръ... Какъ охнеть вся Россія, какъ вздрогнетъ весь міръ отъ этой вѣсти. Ну, да! Можно было ожидать... Конечно... Онъ старъ... Болѣзнь серьезная... Но выговаривали это при-
нужденно. Но какая-то страстная сила заставляла толковать извѣстія въ благопріятную сторону, цѣпляться за десятыя доли понизившихся градусовъ жара... Какъ инстинктивно шарахаешься отъ самой смерти, такъ сознаніе отшатывало отъ возможности такого ужаса, такого отчаянья для людей—Толстой умеръ!

Что на землѣ можетъ остаться равнаго этой утратѣ? Чѣмъ можно—не утѣшить, не заглушить тоску—но хоть заслонить, отвлечь... Толстой умеръ!

Художникъ - геній. Мудрецъ - геній. А сердце! Это сердце, мы видѣли, было выше міровой славы, сильнѣе всемірнаго поклоненія... И Толстой умеръ?

Вотъ самой непомѣрности-то этого ужаса и проступаетъ для безсильнаго человѣческаго отчаянья какая-то грозная убѣдительность... Кто, кромѣ Бога, могъ бы тронуть его жизнь? Сколько лѣтъ ничья рука не рѣшалась посягнуть на эту святыню...

Почуявъ «въ сердцѣ предвѣщенье», этотъ самый великій среди всѣхъ людей захотѣлъ уйти отъ нихъ. Онъ почувствовалъ, что все огромное земное его дѣло свято выполнено, что настало время послѣдняго подвига, простого и величаваго подвига—идти, идти навстрѣчу смерти, которая приведетъ къ Богу. И «ангелъ-разрушитель» всталъ передъ Толстымъ и какъ бы въ назиданіе всѣмъ въ Россіи, всему міру, на первыхъ же шагахъ остановилъ его, сказавъ: „Ты готовъ. Ты уже достоинъ. Отыди въ славу Господа Твоего“.

Толстой умеръ... И смерть великаго Толстого на глухомъ перепутьѣ, сразу привлекаемъ къ себѣ взоры всего міра,—поразительна и достойна Его жизни.

Мих. Стаховичъ.

Свершилось.

Все кончено. Всѣ мы къ этому готовились. И все-таки это страшный ударъ. Что-то великое оторвалось и безвозвратно ушло. Тамъ, гдѣ было живое средоточіе общей любви, гдѣ билось сердце,

отдававшее ее во всѣ страны міра, всѣмъ людемъ, въ настоящее и будущее,—тамъ теперь недвижный комокъ матеріи, которая будетъ разлагаться. Узелъ развязался. И какъ будто пустота вокругъ каждаго... связи порваны, что-то чуждое охватываетъ...

Но это лишь мгновеніе. Жизнь только форму перемѣнила. И разрушена только небольшая часть того, что былъ онъ. Тотъ вихрь силъ, чувствъ, переживаній, мыслей, который росъ, ширился, захватывалъ его самого, людей близкихъ и дальнихъ, все шире и глубже, онъ не остановился, онъ живетъ и будетъ жить. И онъ не измѣнится.

Мы чувствуемъ и видимъ и переживаемъ свѣтъ, исшедшій въ незапамятное время отъ звѣздъ, которыя; быть можетъ, уже не существуютъ или померкли.

Онъ живетъ еще. И онъ живъ и будетъ жить. И смерть его великій актъ жизни.

Сколько насъ на землѣ въ эту ночь не спало, ожидая вѣстей объ немъ. Сколько насъ объединено въ это мгновеніе однимъ чувствомъ, однимъ порывомъ.

Мы всѣ въ эти минуты друзья и братья.. одна семья.

Не одна радость соединяетъ раздѣленныхъ...

Онъ былъ великій художникъ, великій писатель. Но если бы онъ говорилъ языкомъ ангеловъ, не имѣя любви, чѣмъ бы былъ его голосъ?!...

Да, онъ не былъ тогда отверженнымъ для сильныхъ страны родной. Его слова и рѣчи не

вызывали бы каръ и возмездій. Его близкіе не подвергались бы гоненію... Но онъ жилъ бы для немногихъ, предметомъ любованія знатоковъ, ничѣмъ не жертвующихъ ни злобѣ, ни любви. И онъ ушелъ бы изъ міра, не согрѣвъ его.

Другъ, братъ, учитель и страдалецъ, ты горѣлъ любовью къ истинѣ, любовью къ людямъ, ты стремился къ правдѣ и звалъ къ ней въ неустанный порывъ.

Послѣднимъ шагомъ своимъ ты ушелъ отъ лжи и торжествующаго насилія и смертью вступилъ въ безсмертіе.

Доколѣ не закоснѣютъ въ людяхъ сердца отъ скупой злобы, будешь ты жить, дорогой и любимый.

Останки твои приметъ родная земля. И именемъ твоимъ будетъ гордиться народъ твой. Обращаясь во всѣ страны міра,—ко всѣмъ племенамъ и народамъ, скажетъ родина: Вотъ истинный сынъ мой, проповѣдникъ любви и мира. Съ нимъ вѣра, и печаль, и сердце мое и съ его друзьями и братьями, съ угнетаемыми и гонимыми.

А гонители... Въ этотъ часъ скорби не объ нихъ рѣчь.

Ф. Родичевъ.

Міровая потеря.

На невѣдомой станціи Астапово, на случайномъ ложѣ, въ квартирѣ, начальника станціи, смежилъ на-вѣки свои очи мудрецъ и праведникъ

Левъ Николаевичъ Толстой. Неисповѣдимы пути судьбы. Непостижимы ея хотѣнія. На необитаемой скалѣ, окруженной океаномъ, узрѣлъ въ лицо смерть Наполеонъ. Въ ряду великихъ историческихъ случайностей останется навсегда памятной смерть Льва Николаевича Толстого: на невѣдомой станціи, на случайномъ, уступленномъ начальникомъ станціи ложѣ,—отъ простуды, схваченной во время путешествія въ третьемъ классѣ. Цѣлый рядъ возраженій противъ этой случайности готовъ сорваться съ языка. Если бы онъ не покинулъ Ясной Поляны? Если бы онъ путешествовалъ съ тѣмъ комфортомъ, на который давалъ ему право, ну, хотя бы его возрастъ? Если бы не эти семейныя событія, потрясшія его могучій организмъ? Безконечный рядъ возраженій, безконечный рядъ упрековъ невѣдомому. Но скрытая логика этой случайности заставляетъ молчать. Судьбѣ угодно было смертью Толстого прославить станцію Астапово и превратить въ на-вѣки цѣнную и дорогую реликвию скромную кровать желѣзнодорожнаго служащаго.

Склонимся передъ предназначеніемъ, смысла котораго мы разгадать не можемъ, логику котораго мы можемъ только чувствовать—слѣпымъ шестымъ чувствомъ, открывающимъ намъ щель въ туманные иные міры.

У насъ нѣтъ больше Толстого. Россія стала бѣднѣе на цѣлаго Толстого. Міръ сталъ бѣднѣе на цѣлаго Толстого. Эту потерю, этотъ міровой

убытокъ нельзя сразу оцѣнить. Землетрясенія и наводненія стираютъ съ лица земли цѣлые города, уносятъ десятки, сотни тысячъ человѣческихъ жизней. Что эта потеря въ сравненіи съ той, которую понесъ міръ въ Астаповѣ? Отошелъ въ вѣчность одинъ человѣкъ, перестало биться одно сердце—и міръ облечется въ трауръ отъ дальняго запада до дальняго востока. Изъ міра ушелъ мудрецъ и праведникъ, чьи слова звучали какъ колоколъ, будящій совѣсть и мысль міра. Развѣ можно характеризовать Толстого, опредѣлять его значеніе и роль? Было человѣчество и былъ отдѣльный человѣкъ—Толстой, ни на кого не похожій, никому не равный. Человѣчество осталось. Толстого не стало. Оцѣните этотъ мировой убытокъ.

Насъ раздѣляютъ языки, религіи, классы, цвѣтъ кожи, антропологическія особенности. Мы разбиты на расовыя, національныя, общественныя группы. Толстой насъ объединилъ: въ уваженіи и любви къ Толстому, мы сливались, разрозненные, разъединенные, въ общечеловѣческую семью. Толстой былъ интернаціоналенъ, и имя его звучало, какъ слово будущаго международнаго всечеловѣческаго языка.

Мы, разъединенные, разрозненные, раздираемые особенностями нашими, остались. Толстого нѣтъ! Оцѣните этотъ мировой всечеловѣческій убытокъ...

Влад. Азовъ.

Не стало генія.

Телеграфъ принесъ удручающее извѣстіе.

Левъ Николаевичъ Толстой скончался на 83-мъ году своей жизни, въ условіяхъ непрерывнаго исканія истины и правды.

Плодъ созрѣлъ и отпалъ.

Но невыносимою скорбью отзовется во всѣхъ просвѣщенныхъ русскихъ сердцахъ кончина величайшаго писателя нашей не столь богатой талантами родины.

А Толстой былъ не только талантъ.

Это былъ геній, призванный всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Величайшій художникъ слова совмѣщался въ немъ съ глубокимъ мыслителемъ и идеальнымъ христіаниномъ, для котораго были тѣсны рамки церковности и обрядности.

Въ мучительныхъ поискахъ вѣчной правды Толстой горѣлъ почти всю свою жизнь.

Его чисто библейская простота, его страданія въ исканіи своей вѣры, быть можетъ ни въ комъ не повторялись въ такой потрясающей обстановкѣ, какъ въ этомъ избранномъ, сегодня бездыханномъ сосудѣ.

Художественное и нравственное значеніе произведеній Толстого, его мировое вліяніе на улучшеніе человѣчества еще ждутъ исторической оцѣнки.

Это былъ единственный изъ русскихъ геніальныхъ писателей, которому судьба дала долгую жизнь, проведенную въ трудѣ.

Душевная драма великаго старца открылась удивленному міру только въ послѣдніе семь дней его жизни.

Созидать заново идею перерожденія человѣка, идею высшей христіанской любви къ ближнему, потрясать сердца, и въ тоже время не находить поддержки этимъ идеямъ среди самыхъ близкихъ—развѣ это не ужасно?

Развѣ не ужасно, раздавъ, подобно королю Лиру, все свое имущество, не получить заэто даръ свободы духа?

Развѣ не ужасно на 83-мъ году жизни уходить изъ родового гнѣзда только за тѣмъ, чтобы уединиться, чтобы, при переходѣ великаго духа въ еще болѣе великую вѣчность, снять оковы и разбить цѣпи невыносимѣйшаго гнета опеки и попечительства.

Пусть же въ уваженіе къ величайшимъ страданіямъ души этого солнца Россіи умолкнутъ у открытой могилы голоса тѣхъ, кто не понялъ и потому ненавидитъ титана русскаго слова и русской христіанской мысли.

Ради вѣрующихъ церковь должна простить Толстому его невольныя ошибки и его справедливыя обличенія.

Смерть Л. Толстого.

Смерть его—не конецъ, а свершеніе, исполненіе жизни. Чаша наполнялась, наполнилась и перелилась черезъ край земного бытія въ вѣчность.

Плачемъ, но не знаемъ, отъ скорби или отъ радости. Скорбь cadaго изъ насъ—скорбь всего человѣчества, скорбь всей земли. Ибо Духъ Земли воплотился въ немъ, и когда онъ ушелъ, земля опустѣла. Отнынѣ шаръ земной несется пустынной въ пустыняхъ міра.

Кто онъ? Художникъ, учитель, пророкъ? Нѣтъ, больше. Лицо его—лицо человѣчества. Если бы обитатели иныхъ міровъ спросили нашъ міръ: кто ты?—человѣчество могло бы отвѣтить, указавъ на Толстого: вотъ я.

Въ эту минуту мы испытываемъ то, чего никогда никто изъ людей не испытывалъ. Сколько умирало великихъ сыновъ человѣческихъ. Но никогда еще взоры всего человѣчества не устремлялись такъ на одного человѣка; никогда человѣчество не чувствовало такъ, что умеръ сынъ его возлюбленный, сынъ человѣческій.

Тотъ, умершій на Голгоѣ, Единородный Сынъ Божій хотѣлъ, чтобы всѣ мы стали сынами Божиими: *Я говорю: вы боги, и сыны Всевышняго всѣ вы.*

Мы теперь знаемъ, что Толстой—одинъ изъ

нихъ. Мы также знаемъ, что все его величіе передъ величіемъ Единаго Сына Человѣческаго—ничтожно. Вѣруемъ, что малѣйшій въ Царствіи Божьемъ наречется, можетъ быть, большимъ, чѣмъ онъ. Но пусть не говорятъ намъ, что самъ онъ этого не зналъ, не хотѣлъ знать, не вѣрилъ во Христа Бога, умеръ отверженнымъ, отлученнымъ, нераскаяннымъ. Не словами, а всей своей жизнью и смертью онъ Христа исповѣдалъ. Развѣ можно такъ любить человѣка, какъ онъ Его любилъ; развѣ можно такъ идти за человѣкомъ, какъ онъ шелъ за Нимъ; развѣ можно такъ умереть за человѣка, какъ онъ умеръ за Него?

Что бы намъ ни говорили, мы знаемъ, что Сынъ Божій не отвергнетъ сына человѣческаго—Себя Самого въ человѣчествѣ, а что въ эту минуту все человѣчество—въ немъ,—понимаютъ, конечно, и тѣ, кто думаетъ, что онъ Христомъ отверженъ.

Вы. считающіе себя единственными учениками, намѣстниками Христовыми, получившими отъ Него власть разрѣшать и связывать,—опомнитесь, подумайте, что вы дѣлаете.

Развѣ мы не знаемъ, что усопшій великій братъ нашъ—такой же грѣшный человѣкъ передъ Богомъ, какъ всѣ мы, и, можетъ быть, не меньше, чѣмъ послѣдній изъ насъ, нуждается въ молитвахъ нашихъ и милосердіи Божьемъ. И пусть грѣхъ его въ томъ, что не сумѣлъ, или не успѣлъ онъ исповѣдать Христа Богочеловѣка, не успѣлъ. хоть мертвѣющей рукой, дать знакъ, по которому

бы люди поняли, что возлюбленный сынъ человеческій вѣруеть въ Сына Божьяго. Пусть это больно, страшно. Можетъ быть, намъ еще больнѣе страшнѣе, чѣмъ вамъ. Но поймите же, что отлучить его отъ Христа—значить отлучить все человечество, проклясть его—значить проклясть весь міръ.

Если можете,—молитесь вмѣстѣ съ нами и вѣрьте, что Господь не отвергнетъ нашей молитвы. Произнесите не мертвыми, а живыми устами; *возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣдуемъ.*

А если не можете,—то, по крайней мѣрѣ *не лицемерьте*. Проклиная, проклиняйте до конца. Хоть въ эту страшную минуту, надъ раскрывшейся могилой, не лицемерьте, не увѣряйте насъ, что онъ умеръ, покаявшись, какъ *вамъ* того хотѣлось бы,—проклявъ себя, отрекшись отъ всей правды своей,—той не сказанной, не исповѣданной, любви ко Христу Богу, съ которой онъ жилъ и умеръ. Что бы вы ни говорили,—все равно, никто не повѣритъ вамъ.

Если не можете молиться съ нами, то отойдите, не мѣшайте намъ. Мы одни за него помолимся. Но знайте, что въ эту минуту все человечество преклоняетъ колѣна надъ прахомъ возлюбленнаго сына своего и молится едиными устами, единымъ сердцемъ, единымъ воплемъ. И если русская помѣстная церковь безмолвствуетъ, то вопіетъ все христіанское человечество, церковь

вселенская: упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего! И дойдетъ до Бога, дойдетъ этотъ вопль.

Предстоящій нынѣ Господу, усопшій братъ нашъ, помолись и ты за насъ,—не только за свою родную землю, которую ты такъ любилъ, но и за все человѣчество, за всю землю, потому что вся земля — тебѣ родная. Скажи тамъ, предъ лицомъ Господнимъ, то, что ты здѣсь говорилъ всю жизнь:

Да придетъ царствіе Твое.

Д. Мережковскій.

У ВЕЛИКОЙ МОГИЛЫ.

У могилы Толстого.

Сегодня предаются землѣ смертные останки безсмертнаго.

Сегодня все мыслящее и чувствующее чело-вѣчество съ обнаженной головой стоитъ передъ могилой величайшаго генія слова и подвижника-моралиста.

Огромное горе. Его не измѣрить и не взвѣсить. Не измѣрить потому, что къ Толстому нельзя подходить съ сравнительной мѣрой оцѣнки. Великій духъ абсолютенъ. Абсолютенъ былъ и Толстой, подобно тѣмъ немногимъ вождямъ чело-вѣчества, въ которыхъ космосъ достигаетъ наивысшей степени сознанія. И потерять Толстого, значоть—потерять такое безцѣнное благо, такую духовную энергію, которая не повторяется.

Тамъ, за яснополянскимъ паркомъ, высится курганъ, съ которымъ у Толстого связаны воспо-минанія дѣтства. Въ нѣдра этого кургана будетъ опущено тѣло старца, впитавшаго въ себя міровую скорбь, болѣвшаго свсей великой душой за всѣхъ

болящихъ и страдающихъ, чудеснымъ словомъ своимъ возвѣщавшаго проповѣдь любви.

Будетъ опущено безъ пышности, безъ обрядовъ... Въ великой тишинѣ совершится послѣдній актъ земного почитанія. Но надъ историческимъ отнынѣ курганомъ будетъ витать духъ творца, покорившаго міръ единственно силой своего бессмертнаго подвига—художественнаго и моральнаго, силой свободного слова, проникавшаго въ дворцы и хижины. Надъ курганомъ будутъ звучать призывы къ жизни, въ которыхъ изливалась душа великаго печальника всѣхъ народовъ, которые огненными буквами вписаны въ исторію бореній за иной, достойный міръ любви и благодати.

Могила Толстого—новая святыня не Россіи только, а человѣчества. Тотъ, кто исторгаль горячія слезы благодарности, кто заставляль переживать муки и счастье возрожденія, кто сдѣлалъ свою проповѣдь понятной, близкой міру,—явилъ собою примѣръ всечеловѣка, воплотилъ въ жизнь легенду о духѣ всепрощенія и любви.

Вмѣстѣ съ Толстымъ міръ поднялся выше, сталъ ближе къ божеству. И пройдутъ вѣка, и образъ такъ дивно, такъ величественно отошедшаго въ вѣчность всечеловѣка будетъ стоять передъ глазами поколѣній, смѣняющихъ другъ друга. Черты его сохранятся отчетливо, ибо токъ времени не изгладитъ этихъ чертъ.

Толстого нѣтъ. Не будемъ жаловаться, не будемъ стонать... Въ „великой тишинѣ“ склонимъ

свои головы и колѣна у святой могилы, и пусть наши слезы тихо падуть на холмъ, въ которомъ заключено смертное безсмертнаго.

Тише. Здѣсь молится челоуѣчество.

С л і я н і е.

Похоронили.

Опустили въ землю останки исключительнаго по своимъ дѣламъ, взглядамъ, твореніямъ, генія.

Народъ пѣлъ „Вѣчную память“ безсмертному. Народъ совершалъ чинъ погребенія надъ великимъ старцемъ, который огромному дѣлу любви и правды отдалъ всю мощь своей проповѣди и всю непримѣрную силу своей художественной изобрѣтательности.

Первыя гражданскія похороны, не пышныя, но величественныя, незабвенныя. Такъ вотъ они...

Сказочный богатырь слова и дѣла возвращенъ землѣ руками *простыхъ* людей, тѣхъ самыхъ людей, для которыхъ и горѣло неугасаемымъ огнемъ сердце Льва Великаго.

Свершилось чудо, передъ которымъ мы только можемъ, должны отступить въ тихомъ благоговѣніи. Искали сліянія съ народомъ и не находили его. Не было такихъ словъ, понятій. Но сліяніе произошло у могилы, къ которой притекла печаль осиротѣвшаго міра, и мечта претворилась въ дѣйствительность, въ осязательную реальность.

Если былъ ледъ непониманія, то онъ сломанъ.

Если была пропасть отчужденія, то она засыпана. Засыпана той самой землей, которая холмикомъ возвышается надъ яснополянскимъ курганомъ. Сразу сблизились двѣ стихіи—труда и разума, морали и культуры. И слитнымъ голосомъ произнесли одну и ту же молитву, единымъ дѣйствіемъ связали себя. Да будетъ эта связь крѣпка. Да ширится и растетъ она...

Священный курганъ.

Глухая деревенька среди необъятныхъ равнинъ средней Россіи.

Въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, въ сторонѣ отъ телеграфа и телефона, этотъ тихій, не обозначенный на картѣ уголокъ получилъ міровую извѣстность, которой могутъ позавидовать Лондонъ и Парижъ

Здѣсь родился, здѣсь жилъ и здѣсь сегодня похороненъ Левъ Толстой.

Осенняя ночь.

Черные силуэты крестьянскихъ избъ на темной деревенской улицѣ, но въ эту памятную ночь не гаснутъ въ окнахъ огни о точно чьи-то встревоженные, сверкающія очи устремили воспаленный взоръ во тьму ночную.

Изъ глухой и темной дали приближается гробъ съ останками того, кто смѣлѣе всѣхъ смертныхъ разгадалъ тайну жизни; онъ былъ *человѣкомъ* и воплотилъ всю полноту и сложность человѣче-

скихъ чувствъ, всю многогранность человѣческой души, всю доступную человѣку красоту и всю возможную на землѣ правду.

По печальной осенней дорогѣ вдоль пустынныхъ полей и оголенныхъ черныхъ деревьевъ тянется шествіе.

Въ холодномъ воздухѣ дрожатъ торжественно-печальные звуки и въ густой толпѣ крестьянъ и студентовъ колышется гробъ. И страннымъ кажется, и невѣрится, что въ этомъ маленькомъ гробу покоится тѣло великана, что эти обыкновенные люди могутъ поднять останки могучаго богатыря земли русской.

Двѣ каменные башенки, извѣстныя всему міру, а тамъ этотъ историческій ясно-полянскій домъ, такой скромный, такой обыкновенный и такой особенный, единственный въ мірѣ.

И невысокій холмъ, курганъ, подъ которымъ ляжетъ послѣдній русскій богатырь...

Здѣсь нѣкогда въ лучезарные дни далекаго, невозвратнаго дѣтства русскій мальчикъ закопалъ зеленую палочку въ наивной и прекрасной вѣрѣ, что настанетъ нѣкогда день и эта засохшая вѣтвь вновь зазеленѣетъ и свершится великое чудо: расцвѣтутъ на землѣ добро и красота и прекрасна и радостна станетъ жизнь человѣческая.

И Толстой нѣкогда въ обещаніи съ богиней красоты позналъ чары прекраснаго, а вернувшись изъ лазурнаго грота, ужаснулся потомъ, взгля-

нужь на землю, обезображенную нищетой, на людей, обрызганных грязью и кровью.

И чувство глубокого, мучительного покаянія охватило могучую душу, покаянія за то, что ему такъ много дано, что такъ полно упивалось красотой творчества ею жаждавшее сердце, въ то время, какъ люди превратили свою жизнь въ такое мучительное безобразіе и корчатся въ кошмарахъ ненависти, злобы и непониманія.

И величайшее, самое геніальное сердце нашихъ дней глубоко вѣрило, что близится день великаго прощенія, что «зеленая палочка» расцвѣтетъ и настанетъ на землѣ свѣтлое лучезарное царство любви, добра и красоты.

И кто знаетъ, когда исполнятся времена и сроки, возрастутъ и расцвѣтутъ сѣмена любви, посѣянные тѣмъ, чья великая, святая тревога нашла послѣднее успокоеніе подъ священнымъ яснополянскимъ курганомъ среди безбрежнаго океана крестьянской Руси...

Мірѣ живо ощутилъ громадность своей потери.

Пока былъ живъ Толстой, мірѣ зналъ, что гдѣ-то, въ глубинѣ русскихъ равнинъ, есть человекъ, наиболѣе одаренный изъ всѣхъ людей, есть пророкъ и поэтъ Божіей милостью и этотъ человекъ неподкупенъ.

Мірѣ зналъ, что этотъ человекъ достигъ всего, чего только можно пожелать на землѣ, что Левъ Толстой самый независимый, самый свободный человекъ на землѣ и что нѣтъ той силы ни въ

церкви, ни въ государствѣ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, которая могла бы уклонить его мысль и чувство отъ того, что онъ считаетъ добромъ и правдой.

Ошибаться могла его мысль, но безошибочно судило его сердце, и это геніальное сердце сдѣлало его совѣстью міра.

Поэзія его жизни и правда его творчества сплелись въ дивной гармоніи. и послѣдній актъ его жизни, это отреченіе отъ послѣднихъ и самыхъ могучихъ личныхъ привязанностей, этотъ уходъ въ невѣдомую даль и смерть въ дорогѣ, на случайномъ этапѣ послѣдняго пути—завершили чертами послѣдняго совершенства художественную поэму этой удивительной жизни.

И, можетъ быть, естественно, что даже предъ этой великой могилой не смолкла низость низменныхъ душъ.

Можетъ быть, и въ мірѣ моральныхъ цѣнностей, и въ мірѣ добра и красоты есть свой законъ постоянства энергіи и тамъ, гдѣ природа потратила такъ неизмѣримо много лучшихъ даровъ своихъ на одного Льва Толстого, неизбѣжны морально обездоленные Пуришкевичи и Меньшиковы.

И, можетъ быть, въ глубинѣ этихъ жалкихъ опустошенныхъ душъ таится сознаніе этой обездоленности и питаетъ ихъ мучительную и низменную злобу...

Такіе дары неба, какъ Толстой, требуютъ

жертвъ искупительныхъ, такая высокая вершина обуславливаетъ рядомъ съ ней низину бездонную..

У. Любошъ.

Надъ свѣжей могилой.

Могильный холмъ отдѣлилъ отъ этого міра прахъ великаго человѣка. Голосъ глашатая истины и апостола любви умолкъ. Содрогнулась родная страна, содрогнулся весь культурный міръ при страшной вѣсти, что отошелъ отъ міра тотъ, кто составлялъ его гордость и славу, умеръ тотъ, кто при жизни сталъ безсмертнымъ. Воля покойнаго не устраивать пышныхъ похоронъ, не возлагать вѣнковъ, не чтить тѣмъ наружнымъ способомъ, которымъ мы привыкли чтить усопшихъ,—священна. И исходъ той человѣческой необходимости поклониться усопшему надо, очевидно, искать въ другой области. Не около его погибшаго тѣла и разрушающейся матеріи, а въ сферѣ его безсмертнаго духа. Великій учитель въ долгую жизнь воспиталъ рядъ поколѣній, и если среди его поклонниковъ и почитателей мало непосредственныхъ учениковъ, то много носящихъ въ себѣ отзвуки и плоды его идей. И это понятно. Мощный духъ великаго слишкомъ опередилъ своихъ современниковъ. Пройдутъ цѣлые ряды поколѣній, десятки, можетъ быть, сотни ихъ смѣнятъ одни другихъ, прежде чѣмъ получить осуществленіе на землѣ его царство любви и мира.

И не намъ, его современникамъ, принять на свои слабыя плечи бремя осуществленія не только всѣхъ, но даже многихъ изъ его идей. Но если непосильно взять на себя разрѣшеніе всей задачи, это не основаніе, что-бы уклоняться хотя бы отъ первыхъ шаговъ по этому пути.

Мы безсильны уничтожить все зло міра—попытаемся его сократить. Попытаемся добиться хотя бы того, что уже нашло откликъ во многихъ сердцахъ. Попытаемся уничтожить во имя мнимаго блага убійство «одного» человѣка всесильными и организованными «многими». Почтимъ имя Толстого уничтоженіемъ смертной казни, противъ которой великій мыслитель возсталъ со всею своею силою и проникновенностью. Вспомните его «Не могу молчать».

Память Толстого объединила огромное большинство третьей Думы. Пусть же голоса всѣхъ, кто внѣ ея, сольются въ единодушномъ кличѣ: «Долой смертную казнь». И пусть тѣ депутаты Думы, которые не отказались отъ наружнаго проявленія почтенія памяти покойнаго, пусть они, немедля ни часа, поставятъ на очередь и проведутъ проэктъ объ отмѣнѣ смертной казни и свяжутъ его съ именемъ Толстого. Откликнитесь всѣ тѣ, кому дорого наслѣдіе гуманизма Толстого. Покажите, что «не токмо за страхъ, но и за совѣсть» вы готовы чтить того, кого именуете какъ «гордость Россіи и славу міра». Отмѣна смерт-

ной казни—вотъ первый шагъ по пути почтеніе
безсмертнаго, мощнаго духа покойнаго учителя.

А. Колюбакинъ.

Послѣдній пріютъ.

Вчера въ Ясной Полянѣ опустили въ землю прахъ того, кто сдѣлалъ ее мѣстомъ, дорогимъ для всего человѣчества. Недѣлю тому. назадъ неукротимый духомъ, немощный тѣломъ великій старецъ смѣлой рукой провелъ новую рѣзкую грань въ своей жизни и покинулъ Ясную Поляну навсегда, что-бы никогда уже въ нее не возвращаться. Черезъ недѣлю его безжизненное тѣло привезли назадъ въ Ясную Поляну и уже навсегда. Это сопоставленіе вызываетъ въ душѣ бурю острыхъ ощущеній, но раскрываетъ всю глубину той трагедіи, которая такъ неожиданно для всѣхъ назрѣла и съ такой быстротой разрѣшилась двумя столь же простыми, сколь и не усвояемыми словами: Толстой умеръ.

Такъ неожиданно! Развѣ мы сами не толкали его на этотъ путь со всѣхъ сторонъ, развѣ прямо, непосредственно, и косвенно не обостряли тѣхъ противорѣчій, которыя постоянно терзали эту колоссальную въ своей цѣльности и послѣдовательности фигуру. Мы такъ охотно повѣрили самому Толстому, который во второмъ періодѣ своей литературной дѣятельности отрицалъ столь рѣшительно ея первый періодъ. Мы такъ охотно

отказались отъ простой и ясной мысли, что первая страница, имъ написанная, ничѣмъ не отличается отъ послѣдней по своей внутренней сущности, и что его философскія и религіозныя ученія явились логическимъ выводомъ изъ того геніальнаго проникновеннаго пониманія и изображенія жизни, которое подняло русскую литературу на недостижимую высоту.

Толстой хотѣлъ сдѣлать это еще болѣе понятнымъ. Онъ ушелъ навсегда изъ Ясной Поляны, съ которой онъ органически сросся. Старческой рукой онъ однимъ ударомъ сразу обрубилъ всѣ корни и черезъ недѣлю его привезли въ Ясную Поляну навсегда.

Теперь уже не за что укрыться. Ужасной цѣной Стеруга и тѣнь того внѣшняго противорѣчія, о которомъ такъ много говорили, и эта трагическая смерть, завершившая столь необычайную жизнь, долго будетъ озарять міръ своимъ величіемъ и напоминать человѣчеству о Человѣкѣ.

Церковь и Л. Н. Толстой.

Въ засѣданіи совѣта министровъ 5-го ноября выяснилось, что всѣ члены кабинета, включая и оберъ-прокурора Синода С. М. Лукьянова, находятъ необходимымъ и своевременнымъ снять отлученіе съ графа. Въ этомъ направленіи правительствомъ были предприняты соотвѣтствующіе шаги. Но, какъ выяснилось изъ разговоровъ, которые велъ С. М. Лукьяновъ съ членами кабинета—со стороны Синода не замѣчается стремленія пойти навстрѣчу этому. Въ засѣданіи Синода, по сообщенію оберъ-прокурора, только двое членовъ его выступили въ защиту этого предложенія, указывая, что, судя по настроенію великаго писателя, онъ замѣтно приблизился за послѣднее время къ церкви и потому наклонѣ дней его можно снять отлученіе. О томъ, что графъ въ своемъ настроеніи послѣдняго времени приблизился къ церкви будто свидѣлствуютъ и нѣкоторыя близкія графу лица.

Это же подтверждаетъ одинъ изъ членовъ

Синода, имѣвшій не очень давно продолжительную бесѣду съ графомъ Л. Н. Толстымъ.

Однако, большинство членовъ Синода рѣшительно противъ возможности снятія отлученія. Противники снятія отлученія указываютъ на полное отсутствіе признаковъ раскаянія графа Л. Н. Толстого, причемъ замѣчаютъ, что вовсе не выясненъ вопросъ—желаетъ ли этого самъ великій писатель.

Несогласіе Синода выяснилось также изъ бесѣды, происходившей 5 ноября днемъ между однимъ изъ членовъ Синода съ членомъ Гос. Совѣта, близкимъ знакомымъ всей семьи графа Л. Н. Толстого. Въ этой бесѣдѣ членъ синода прямо заявилъ, что правительсто добивается снятія отлученія, но Синодъ этого не допуститъ.

Однако, правительство рѣшило настаивать на своемъ. Нѣкоторые члены кабинета указываютъ, что актъ снятія отлученія необходимъ не только для самого графа, но едвали не въ значительно большей степени для всей страны; ибо нельзя допустить, чтобы вокругъ имени великаго чловѣка возникли бы осложненія и распря.

Вопросъ объ отношеніи высшей церковной власти къ Л. Н. Толстому, какъ намъ сообщаютъ, представляется нынѣ въ слѣдующемъ видѣ.

Св. Синодъ обратился съ телеграммами къ рязанскому и калужскому преосвященнымъ и са-

мому Л. Н. Толстому. Въ телеграммѣ калужскому архіерею Синодъ просилъ немедленно командировать кого-либо изъ видныхъ священнослужителей для увѣщеванія больного вернуться въ лоно церкви; въ случаѣ же отрицательнаго результата этой миссіи, св. Синодъ предложилъ самому епископу отправиться къ Л. Н. Толстому. На эту телеграмму Синодъ пока не получилъ отвѣта.

Рязанскому преосвященному Синодъ телеграфировалъ, что надежды іерарховъ возлагаются на старца Іосифа, который имѣетъ нѣкоторое вліяніе на Л. Н. Толстого. Св. синодъ полагаетъ, что и Л. Н. относится съ большимъ уваженіемъ къ старому затворнику.

Сестра писателя, живущая въ Оптиной пустыни, высказалась именнно въ этомъ смыслѣ одному изъ іерарховъ.

Отвѣта на эту телеграмму въ Синодѣ ждали съ нетерпѣніемъ. Только спустя четыре дня, въ св. Синодѣ былъ полученъ отвѣтъ, что старецъ Іосифъ согласился посѣтить Толстого, отвѣтъ же замедлился потому, что въ эти дни онъ чувствовалъ себя больнымъ.

Изъ этой телеграммы іерархи сдѣлали выводъ, что старецъ Іосифъ хотѣлъ бы уклониться отъ столь сложной и отвѣтственной миссіи.

Настоятель Оптиной пустыни о. Варсонофій выражаетъ сомнѣніе въ возможности воздѣйствовать на Толстого въ виду того, что большинство окружающихъ Л. Н. Толстого лицъ отрицательно

и даже враждебно настроены противъ церкви. Святѣйшій Синодъ не удовлетворился этими отвѣтами. Синодъ продолжаетъ обсуждать вопросъ о Л. Н. Толстомъ въ частныхъ совѣщаніяхъ. Іерархи находятъ, что Л. Н. Толстой, въ случаѣ роковой развязки его болѣзни, не долженъ быть похороненъ по церковнымъ обрядамъ. Но такое рѣшеніе отмѣняется въ томъ случаѣ, если старецъ Іосифъ заявитъ Синоду, что Л. Н. въ бесѣдѣ съ нимъ, дѣйствительно раскаялся.

Не ограничиваясь этимъ, іерархи признали возможнымъ командировать члена синода епископа Пареенія къ Л. Н. Толстому, а также въ Оптинскую пустынь къ старцу Іосифу. На епископа возложена миссія, прежде всего, самому сдѣлать попытку видѣться съ Л. Н. Толстымъ и ознакомиться съ религіознымъ настроеніемъ Л. Н. въ данную минуту, а также собрать свѣдѣнія объ этомъ.

Епископъ Парееній 6 ноября выѣхалъ изъ Петербурга.

7 или 8 ноября къ Л. Н. Толстому должны пріѣхать рязанскій епископъ Никодимъ, тульскій Парееній, тамбовскій Кириллъ, а также настоятель Оптиной пустыни Варсонофій, ученикъ настоятеля іеромонахъ Пантелеймонъ и близкій къ старцу Іосифу архимандритъ Анатолій.

Извѣстія о тяжелой болѣзни Л. Н. Толстого вызвали тревогу въ сферахъ и среди членовъ св. Синода. Предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ обратился къ оберъ-прокурору св. Синода С. М. Лукьянову съ запросомъ, какія высшая церковная власть полагаетъ сдѣлать распоряженія на случай смерти Л. Н. и какія имѣются въ духовномъ вѣдомствѣ свѣдѣнія относительно посѣщенія имъ Оптиной пустыни.

По поводу этого запроса было созвано экстренное засѣданіе св. Синода, въ которомъ принимали участіе митрополиты: кievскій Флавіанъ, московскій Владиміръ, архіепископъ Тихонъ ярославскій, еп. минскій Михаилъ, еп. тульскій Пареевій и оберъ-прокуроръ С. М. Лукьяновъ. Митрополитъ Антоній отсутствовалъ.

Выяснилось, что какъ только получено было извѣстіе о томъ, что Л. Н. Толстой отправился въ Оптинскую пустынь, изъ Петербурга по телеграфу было предложено калужскому епархіальному начальству немедленно сообщить Синоду всѣ подробности.

Полученныя св. Синодомъ свѣдѣнія не давали основанія для утвержденія о сближеніи Л. Н. съ церковью.

Въ своемъ донесеніи калужское епархіальное начальство подчеркиваетъ прежде всего, что Толстой явился въ монастырь, чтобы видѣться со своей сестрой. Но епархіальная власть при этомъ отмѣчаетъ, что теперь не замѣтно у Л. Н. Тол-

стого прежняго враждебнаго направленія къ православної церкви.

Не довольствуясь этими свѣдѣніями, іерархи пожелали узнать личное мнѣніе тульскаго преосвященнаго Пареевнѣ, про котораго сообщалось, будто онъ имѣлъ недавно бесѣду съ Толстымъ.

Отъ епископа Пареевнѣ послѣдовалъ отвѣтъ, не дававшій достаточнаго матеріала для рѣшенія поднятаго въ святѣйшемъ Синодѣ вопроса. Тульскій преосвященный, какъ вказалось, только два года тому назадъ посѣтилъ Ясную Поляну и тогда же бывшему оберъ-прокурору Извольскому представилъ соотвѣтственный докладъ. Сущность того доклада сводилась къ тому, что Л. Н. Толстой переживаетъ религіозный переломъ, который, по мнѣнію преосвященнаго, приближаетъ писателя къ православної церкви.

Въ основу сужденій св. Синода легли всѣ эти неопредѣленные свѣдѣнія о Л. Н. Толстомъ.

Іерархи указывали на то, что Л. Н. Толстой отлученъ св. Синодомъ отъ церкви, и для того, чтобы церковь вновь приняла его въ свое лоно, необходимо, чтобы онъ раскаялся передъ ней. Между тѣмъ, раскаянія съ его стороны не видно; нѣтъ даже достаточнымъ свѣдѣній для того, чтобы утверждать, что Л. Н. приближается къ церкви.

Оберъ-прокуроръ С. М. Лукьяновъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы возникшій вопросъ

былъ рѣшенъ въ смыслѣ принадлежности Л. Н. къ церкви.

Такого рѣшенія ждуть и въ высшихъ кругахъ, гдѣ всячески стараются повліять на іерарховъ.

Послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній св. Синодъ постановилъ послать телеграмму калужскому епархіальному начальству съ предложеніемъ принять мѣры, чтобы убѣдить больного раскаяться передъ церковью.

Телеграмма послана отъ имени св. Синода за подписью митрополита Антонія.

Тульскій епископъ Пареевій, который два года тому назадъ бесѣдовалъ въ Ясной Полянѣ съ Л. Н. Толстымъ, въ своемъ докладѣ Синоду подчеркиваетъ что Чертковъ является главнымъ препятствіемъ для возвращенія великаго писателя въ лоно православной церкви. По мнѣнію преосвященнаго, Чертковъ имѣетъ такое вліяніе на Толстого, какъ отецъ на сына. Съ мнѣніемъ тульского епископа согласны почти всѣ члены Синода. Послѣдніе находятъ, что необходимо принять какія-либо мѣры къ удаленію Черткова. Это, по ихъ мнѣнію, дастъ возможность представителямъ церкви воздѣйствовать на больного въ смыслѣ примиренія его съ церковью.

Извѣстный синод. миссіонеръ В. М. Скворцовъ 5 ноября получилъ телеграмму отъ еп. Гермогена, въ которой саратовскій преосвященный предостерегаетъ представителей церкви и миссіи отъ «злыхъ» свѣдѣній лѣвой печати. Епископъ Гермогенъ, между прочимъ, телеграфируетъ, что не надо вѣрить злымъ и лукавымъ извѣстіямъ лѣвой прессы о состояніи Л. Н. Толстого. Печать распускаетъ всевозможные слухи о Толстомъ, съ цѣлью поднять шумъ вокругъ него ради митинговъ и такъ называемыхъ гражданскихъ «панихидъ». Представители церкви должны помнить, что покойные нынѣ старецъ Амвросій и Іоаннъ Кронштадтскій предсказывали, что Толстой умретъ лютой смертью.

Св. Синодъ и Л. Н. Толстой.

9 ноября прахъ Л. Н. Толстого будетъ преданъ землѣ. Покойный, какъ извѣстно, въ своемъ завѣщаніи ясно и опредѣленно указалъ, какъ слѣдуетъ его хоронить. Это завѣщаніе наглядно иллюстрируетъ религіозныя настроенія почившаго писателя. Между тѣмъ, представители официальной церкви продолжаютъ утверждать, что наклонъ своихъ лѣтъ Л. Н. рѣшилъ примириться съ официальной церковью.

Командированный св. Синодомъ на ст. Астапово епископъ Парфеній, тотъ самый епископъ, который два года назадъ посѣтилъ Ясную Поляну,

какъ теперь выясняется, уже не засталъ писателя въ живыхъ; Л. Н. скончался за 2¹/₂ часа до пріѣзда епископа. Преосвященный въ обширной телеграммѣ, отправленной на имя оберъ-прокурора С. М. Лукьянова, сообщаетъ, что ему не удалось выполнить возложенную на него св. Синодомъ миссію.

Но, — телеграфируетъ епископъ Парфеній, — все равно, если бы я и засталъ Толстого въ живыхъ, едва ли удалось бы видѣться съ нимъ. Всѣ тѣ люди, которые окружали больного на ст. Астапово—Чертковъ, Маковецкій и другіе рѣшительно воспротивились бы желанію преосвященнаго. Они всячески старались поддержать въ Л. Н. его отрицательное отношеніе къ церкви.

— Я это говорю—пишетъ епископъ, — на основаніи не только личныхъ наблюденій, но и со словъ многихъ лицъ, находившихся здѣсь и искренно желавшихъ возвращенія писателя въ лоно церкви. Эту мысль подтвердилъ мнѣ и настоятель Оптинской пустыни о. Варсонофій. О. настоятель полагаетъ, что старецъ Іосифъ потому только и долго не рѣшался поѣхать въ Астапово увѣщевать Толстого, что зналъ, въ какой атмосферѣ жилъ покойный.

Епископъ Парфеній далѣе утверждаетъ, что Толстой несомнѣнно былъ подготовленъ къ всенародному раскаянію.

Далѣе намъ сообщаютъ, что 7 ноября еще до засѣданія св. Синода, о которомъ мы уже сооб

щали, министерство народнаго просвѣщенія, министерство путей сообщенія, вѣдомство Императрицы Маріи Ѳеодоровны и многія другія учрежденія обратились черезъ обезъ-прокурора въ Синодъ съ запросомъ, какъ предполагается реагировать на смерть Толстого: разрѣшить ли подвѣдомственнымъ имъ учебнымъ заведеніямъ, а также служащимъ этихъ вѣдомствъ такъ или иначе почтить память писателя.

Рѣшеніе Синода было сообщено вѣдомствамъ и учрежденіямъ на слѣдующій день черезъ посредство оберъ-прокурора.

За послѣдніе дни на имя митрополита Антонія и другихъ членовъ св. Синода поступила масса ходатайствъ отъ группъ и отдѣльныхъ лицъ о снятіи отлученія съ Л. Н. Толстого.

Священникъ, служившій панихиду въ церкви Маріинскаго дворца послѣ литургіи 7 ноября, просить заявить, что 1) онъ не зналъ и не могъ узнать, что графъ Толстой уже умеръ; 2) его просили отслужить панихиду по „рабѣ Божьемъ Львѣ“,—не было прибавлено; „новопреставленномъ“, или „боляринѣ“, или „графѣ“, что могло бы навести его на мысль о графѣ Толстомъ; 3) служить панихиду по графѣ Толстомъ онъ не считаетъ возможнымъ, такъ какъ нельзя приносить общественное моленіе о человѣкѣ, отлученномъ отъ церкви, не примирившимся съ нею при

кончинѣ, отрицательно относившемся къ церковному погребенію; 4) при служеніи панихиды не было въ церкви никого изъ членовъ Г. Совѣта, кромѣ М. А. Стаховича, ни посторонней публики, ни пѣвчихъ.

Архіепископъ Никаноръ и Левъ Толстой.

Интересныя новыя данныя объ отлученіи Толстого и о попыткахъ этого еще въ 1888 году, даютъ только-что опубликованныя письма архіепископа херсонскаго и одесскаго Никанора къ философу Гроту:

Въ одномъ письмѣ, помѣченномъ февралемъ 1888 года, архіепископъ заявляетъ, что «первый обругалъ Льва Толстого при всеобщемъ поклоненіи. Хорошо, если-бъ правительство вылило ему добрый кушъ воды на расгоряченную голову»...

Въ другомъ письмѣ тремя мѣсяцами позже, онъ пишетъ:

«Слышу, что творенія Толстого лежатъ на столахъ самыхъ высшихъ въ Россіи особъ. Слышу, что самыя высокія дамы (за исключеніемъ высочайшей), лѣзутъ изъ кожи изъ-за Толстого. Слышу и удивляюсь. Удивляюсь непостижимому недомыслию однихъ. Удивляюсь отвагѣ Толстого. Вѣдь, это преувеличенное въ квадратѣ и кубѣ: радуйся, царю іудейскій... Радуйся, царю всероссійскій! И облобыза его... Нѣтъ; нашъ вѣкъ поразительно безнравственъ. Нѣтъ, мы катимся въ какую-то бездну катаклизма... Съ одной стороны великій,

пусть величайшій, умъ учиняетъ столь великій грѣхъ... Съ другой стороны,—самый простой умъ русскаго мужика, умъ, руководившійся до сихъ поръ однимъ страхомъ Божиимъ, нанимается учинить убійство...

— NN, можешь спустить тако-го кабатчика на тотъ свѣтъ?—Отчего же, можемъ. Что дашь?—Столько-то.—Ладно. Задатокъ.—Вотъ тебѣ красненькая.—Ладно, за остальными послѣ приду. — Вѣдь убилъ, и за остальными деньгами послѣ пришелъ! Вотъ, что ужасно и неслыханно на Руси. Радуйся, графъ Левъ Николаевичъ,—хоть тому, что послѣднюю узду религіи съ народной совѣсти снимаешь, научая всѣхъ весьма коварно, что все это сказки.

...Куда идти дальше? Ужели, великое море и грозное море, какъ великая Русь, всколыхнувшись, не разрушитъ многое... А его колышутъ до основанія... И первымъ дѣломъ,—будетъ только мокро тамъ, гдѣ нынѣ пышные центры интеллигенціи, воздвигаемые на кроваво-потѣльную денежку мужика».

Нѣсколько далѣе въ этомъ же письмѣ, архіепископъ Никаноръ сообщаетъ:

— Кстати. Мы безъ шутокъ собираемся провозгласить торжественную анаѣму Фофанову, его учителю Толстому, быть и Пашкову, да и другимъ кстати.

Но отлученіе отъ церкви Толстого все же случилось тринадцатью годами позже.

Жизнь Толстого.

Отъ Индриса до Льва.

1) Мужъ честенъ Индрисъ (выѣхалъ «изъ нѣмецъ, изъ Цесарскія земли» въ Черниговъ въ 1353 г. съ двумя сыновьями и дружиной), крещеніи Леонтій.

2) Ѳеодоръ Леонтьевичъ, Константинъ Леонтьевичъ.

3) Харитонъ Константиновичъ.

4) Андрей Харитоновичъ (переселился въ Москву и получилъ отъ вел. кн. Василія Темнаго прозвище:) Толстой.

5) Отъ Индриса поколѣніе 15-е: Петръ Андреевичъ, первый графъ Толстой (служилъ Петру I и Екатеринѣ. Умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1729 г.).

Съ воцареніемъ Петра II впалъ въ немилость.

6) Иванъ Петровичъ (вмѣстѣ съ отцомъ былъ сосланъ и умеръ въ ссылкѣ въ 1728 году).

7) Андрей Ивановичъ (26-го мая 1760 года ему возвращено утраченное отцомъ графское достоинство Елизаветой. Умеръ въ 1803 г.).

Отецъ Толстого.

Гр. Николай Ильичъ Толстой родился въ 1797 году. 17-ти лѣтъ, несмотря на противодѣйствіе родителей, онъ поступилъ въ военную службу и зачислился адъютантомъ къ кн. Горчакову. Война сразу показалась молодому чело-вѣку съ обратной своей стороны. «Не были еще ни разу въ сраженіи и не имѣемъ надежды въ немъ скоро быть»,— пишетъ онъ домой отъ 28 декабря 1812 года,—«а видѣлъ

все то, что война имѣетъ ужасное. Я видѣлъ мѣста, верстъ за десять засланныя тѣлами»... Продѣлавъ походы 1813 и 1814 гг. и прослуживъ семь лѣтъ, гр. Н. И. въ 1819 году выходитъ въ отставку, женится и поселяется въ приданномъ имѣніи своей жены, княжны Маріи Волконской, Ясной Полянѣ.

«Отецъ мой былъ средняго роста,—сообщаетъ Левъ Николаевичъ,—хорошо сложенъ, живой сангвиникъ съ пріятнымъ лицомъ и съ всегда грустными глазами. Жизнь его проходила въ занятіяхъ хозяйствомъ, въ которомъ онъ, кажется, не былъ большой знатокъ, но въ которомъ онъ имѣлъ для того времени большое качество; онъ былъ не только не жестокъ, но скорѣе даже слабъ. Такъ-что за его время я никогда не слыхалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ.

Какъ у всякаго помѣщика тѣхъ временъ, у гр. Н. И. было много процессовъ, и ему часто приходилось уѣзжать по связаннымъ съ ними дѣламъ. Ѣздилъ онъ также на охоту. Дома гр. Н. И. свободное отъ занятій хозяйствомъ и отъ занятій съ дѣтьми время посвѣщалъ чтенію. Онъ собиралъ бібліотеку изъ французскихъ классиковъ, сочиненій по исторіи и естественной исторіи.

«Сколько я могу судить,—сообщаетъ Левъ Николаевичъ,—онъ не имѣлъ склонности къ наукамъ, но былъ на уровнѣ образованныхъ людей своего времени. Какъ большая часть людей перваго александровскаго времени и походовъ 13, 14 и 15 годовъ, онъ былъ не то, что теперь называется либераломъ, а просто по чувству собственнаго своего достоинства не считалъ для себя возможнымъ служить ни при концѣ царствованія Александра I, ни при Николаѣ»...

Между отцомъ и дѣтьми установились простыя и теплыя отношенія. «Помню, какъ онъ приходилъ къ намъ внизъ и рисовалъ намъ картинки, которыя казались намъ верхомъ совершенства. Помню, какъ онъ разъ заставилъ меня прочесть ему полюбившіеся мнѣ и выученные мною наизусть стихи Пушкина «Къ морю», «Прощай, свободная стихія», и Наполеону; «Чудесный жребій совершился». Его поразилъ, очевидно, тотъ пафосъ, съ которымъ я произносилъ эти стихи, и онъ, прослушавъ меня, какъ-то значительно переглянулся съ бывшимъ тутъ Языковымъ. Я понималъ, что онъ что-то хорошее видитъ въ моемъ чтеніи и былъ очень счастливъ этимъ».

«Я очень любилъ отца, но не зналъ еще, какъ сильна была эта моя любовь къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ»,—сообщаетъ Л. Н. въ другомъ мѣстѣ своихъ черновыхъ записокъ, легшихъ въ основаніе біографіи Толстого, составленной П. Бирюковымъ.

«Прочитавъ личныя воспоминанія Льва Николаевича,—говорить Бирюковъ,—читатели поймутъ, что въ повѣсти «Дѣтство» изображены родители не Льва Николаевича».

Художественно вѣрное изображеніе своего отца Л. Н. Толстой далъ въ «Войнѣ и мирѣ», воплотивъ его черты въ лицѣ гр. Николая Ильича Ростова.

Сохранилось нѣсколько портретовъ отца Толстого. Съ cadaго изъ нихъ смотритъ на насъ благородное и выразительное лицо «съ всегда грустными глазами».

Мать Толстого.

Княжна Марія Николаевна Волконская, единственная дочь генераль-аншефа кн. Николая Сергѣевича Волконскаго, провела почти всю свою жизнь въ Ясной Полянѣ. Ея мать, рожденная княжна Екатерина Дмитріевна Трубецкая, умерла молодой. Дѣвочка осталась на попеченіи своего отца, даваго ей тщательное воспитаніе и образованіе. Самъ серьезно образованный, старый князь не хотѣлъ, подобно своему литературному двойнику, кн. Волконскому изъ «Войны и мира» чтобы его единственная дочь «была похожа на нашихъ барынь».

Ко времени выхода своего замужъ Марія Николаевна владѣла четырьмя иностранными языками, хорошо играла на фортепіано и имѣла твердое представленіе о наукахъ, которыя совершенно не входили въ кругъ познаній, обязательныхъ для молодыхъ дѣвицъ ея круга и эпохи. Ученическія тетрадки М. Н. сохранившіяся въ семейномъ архивѣ Толстыхъ, свидѣтельствуютъ о серьезныхъ и систематическихъ занятіяхъ молодой дѣвушки въ самыхъ разнородныхъ областяхъ знаній. А ея письма (16 лѣтъ) рисуютъ ея незаурядную личность въ обаятельныхъ чертахъ. Она заноситъ въ свой дневникъ свои наблюденія, размышленія, впечатленія и въ каждой написанной ею строчкѣ отражается ея мечтательная, чистая гармоническая натура, ея глубоко серьезное и въ то же время наивное отношеніе къ жизни, ея чуткій умъ и эстетическое чувство.

О Марѣ Николаевнѣ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ дають представленіе стихотвореніе, написанное ею вскорѣ послѣ свадьбы и рисующее въ цѣломудренныхъ и сантиментальныхъ строкахъ прелесть супружескаго счастья, составленный ею сборникъ поучительныхъ изреченій, пропитанныхъ той же трогательной сантиментальностью чистой души и ея письма къ мужу и къ Татьянѣ Алексѣевнѣ Ергольской. Мягкимъ спокойствіемъ и тихой удовлетворенностью вѣетъ отъ этихъ писемъ, стиховъ и размышлений. Въ нихъ отражается идеально трезвая и гармоническая натура.

Какъ воспитательницу и мать, рисуетъ намъ Марію Николаевну веденный ею «Журналъ поведенія Николеньки (старшаго брата Льва Николаевича) отъ 10 мая до пріѣзда папиньки». Въ немъ отражается вдумчивая и нѣжная мать, терпѣливая и чуткая воспитательница.

Къ обаятельному облику, который обрисовывается передъ нами изъ пыли этихъ пожелтѣвшихъ писемъ и тетрадокъ Левъ Николаевичъ Толстой прибавляетъ:

«Мать моя была нехороша собою... Самое же дорогое качество было то, что она, по рассказамъ прислуги, была хотя и вспыльчива, но сдержанна. «Вся покраснѣетъ, даже заплачетъ,—разсказывала мнѣ ея горничная,—но никогда не скажетъ грубаго слова». Она не знала ихъ.

...У нихъ у обоихъ (у нея и Николеньки) было очень мнѣ милое свойство характера, которое я предполагаю по письмамъ у матери, но которое я зналъ у брата: ихъ равнодушіе къ сужденіямъ людей и скромность, доходящая до того, что они старались скрыть тѣ умственные, образовательныя и нравственныя преимущества, которыя они имѣли передъ другими людьми. Они какъ будто стыдились этихъ преимуществъ“.

Марія Николаевна была просватана, и, повидимому, очень любила своего жениха, но браку помѣшала неожиданная смерть молодого человѣка. Бракъ ея съ гр. Толстымъ былъ устроенъ родными ея и графа. „Думаю, — говоритъ Л. Н. Толстой, — что мать любила моего отца, но больше какъ мужа и, главное, отца своихъ дѣтей, но не была влюблена въ него“...

„Замужняя, очень короткая, жизнь моей матери, — кажется, не болѣе 9-ти лѣтъ, — была счастливая и хорошая. Жизнь эта была очень полна и украшена любовью всѣхъ къ ней и ея ко всѣмъ жившимъ съ нею“.

Марія Николаевна графиня Толстая умерла послѣ родовъ сестры Льва Николаевича (Машеньки) въ 1830 году, оставивъ Льва Николаевича 1¹/₂-годовалымъ ребенкомъ.

Единственное сохранившееся изображеніе матери Толстого—силуэтъ, на которомъ въ профиль представлена головка дѣвочки съ челкой на лбу и короткими сзади волосами. Нѣжнымъ ароматомъ вѣетъ отъ этого дѣтскаго силуэта, нѣжнымъ, какъ самая память о матери великаго писателя земли русской.

Т. А. Ергольская.

„Третье, послѣ отца и матери, самое важное въ смыслѣ вліянія на мою жизнь была тетенька, какъ мы называли ее“... Такъ говоритъ Л. Н. о Татьянѣ Александровнѣ Ергольской, замѣнившей ему, послѣ смерти Маріи Николаевны, мать.

Таничка, ровесница гр. Николая Ильича и очень дальняя родственница Толстыхъ, воспитывалась, какъ круглая сирота, у нихъ въ домѣ. „Должно быть, она любила отца,—предполагаетъ Л. Н.,—и отецъ любилъ ее, но она не пошла за него въ молодости, для того, чтобы онъ могъ жениться на богатой моей матери, впоследствии же она не пошла за него потому, что не хотѣла портить своихъ чистыхъ поэтическихъ отношеній съ нимъ и съ нами“. Въ бумагахъ Г. А. нашлась слѣдующая, помѣченная 16 августа 1836 г. (т. е. спустя 6 лѣтъ послѣ смерти Маріи Николаевны), запись въ дневникѣ:

„Николай сдѣлалъ мнѣ сегодня странное предложеніе: выйти за него замужъ, замѣнить мать его дѣтямъ и никогда ихъ не оставлять. Я отклонила первое предложеніе, и общалась исполнять второе, пока я буду жива“.

Т. А. сдержала свое обѣщаніе. До самой смерти не разставалась она съ семьею Толстыхъ, наполняя домъ атмосферой нѣжности и ласки. По свидѣтельству Л. Н., у него «были вспышки восторженно умиленной любви къ ней».

„...Тетенька Татьяна Александровна имѣла самое большое вліяніе на мою жизнь. Вліяніе это было, во-первыхъ, въ томъ, что еще въ дѣтствѣ она научила меня духовному наслажденію любви. Она не словами учила меня этому, а

всѣмъ своимъ существомъ заражала меня любовью. Я видѣлъ, чувствовалъ, какъ хорошо ей было любить, и понималъ счастье любви. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни“.

Дѣтство.

Л. Н. Толстой росъ, окруженный любовью и ласками, въ семейной атмосферѣ, совершенно нетипичной для современной его раннему дѣтству крѣпостнической Россіи.

Въ своихъ первыхъ воспоминаніяхъ, цѣликомъ вошедшихъ въ біографію Толстого, составленную П. Бирюковымъ, Л. Н. приводитъ смутныя ощущенія перваго года своей жизни

„Я связанъ; мнѣ хочется выпростать руки, и я не могу этого сдѣлать; и я кричу и плачу, и мнѣ самому непріятенъ мой крикъ, но я не могу остановиться. Надо мной стоитъ нагнувшись кто-то, я не помню, кто“...

„...Другое впечатлѣніе радостное: я сижу въ корытѣ, и меня окружаетъ новый, не непріятный запахъ какого то вещества, которымъ труть мое маленькое тѣльце. Вѣроятно, это были отруби, и, вѣроятно, въ водѣ и корытѣ, но новизна впечатлѣній отрубей разбудила меня, и я въ первый разъ замѣтилъ и полюбилъ свое тѣльце, съ видными мнѣ ребрами на груди, и гладкое, темное корыто, засученныя руки няни и теплую парную страшенную воду, и звукъ ея, и въ особенности ощущеніе гладкости мокрыхъ краевъ корыта, когда я водилъ по нимъ рученками“.

Слѣдующія воспоминанія Л. Н. относятся уже къ 4-мъ и 5-ти годамъ, но въ опредѣленную и связную картину воспоминанія его начинаютъ складываться только съ переводомъ его „внизъ“: изъ верхней дѣтской, въ которой главнымъ лицомъ была няня, въ комнату къ старшимъ мальчикамъ, гдѣ главенствовалъ воспитатель Ѳедоръ Ивановичъ Рессель (изображенный въ «Дѣтствѣ» подъ именемъ Карла Ивановича).

„При переводѣ меня внизъ... я испыталъ въ первый разъ и потому сильнѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, называютъ чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человѣкъ. Мнѣ

было жалко покидать привычное (привычное отъ вѣчности), грустно было, поэтически грустно разставаться не столько съ людьми, съ сестрой съ няней, съ теткой, сколько съ кроваткой, съ положкомъ, съ подушкой, и страшна была та новая жизнь, въ которую я вступалъ“.

Съ теплымъ благодарнымъ чувствомъ вспоминаетъ Л. Н. Толстой всѣхъ лицъ, въ кругу которыхъ протекло его раннее вѣтство. Воспитанницу Дунечку Темяшеву (Катеньку „Дѣтства“), экономку Прасковью Исаевну (Наталью Савишну повѣсти), няню Татьяну Филипповну, одно изъ тѣхъ „трогательныхъ существъ изъ народа, которыя такъ сживаются съ интересами своихъ питомцевъ, что всѣ свои интересы переносятъ на нихъ“, брата Татьяны Филипповны—кучера Николая, „котораго мы не только любили, но къ которому, какъ большею частью господскія дѣти, питали великое уваженіе“, буфетчика Василия Трубецкого. Отъѣздъ Василия, назначеннаго приказчикомъ въ другое имѣніе, Л. Н. Толстой считаетъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ впечатлѣній дѣтства. „Я испыталъ въ первый разъ ужась и страхъ передъ непостоянствомъ жизни“.

Дѣтство Л. Н. протекло въ обстановкѣ патриархальной. Иныхъ отношеній къ прислугѣ и дворовымъ, кромѣ чисто-человѣческихъ въ домѣ Толстыхъ не знали и не понимали. Особенно памяты Л. Н. святочные увеселенія, въ которыхъ дворовые и дѣти сливались въ дружную семью, въ наивныхъ старинныхъ играхъ и обрядахъ.

Изъ братьевъ огромное вліяніе на Л. Н. имѣлъ старшій, Николенька, который „былъ удивительный мальчикъ и потому удивительный человѣкъ“

Фантазеръ, мальчикъ, съ необыкновеннымъ воображеніемъ, Николенька имѣлъ огромное вліяніе на своихъ младшихъ братьевъ. Когда Л. Н. было 5, Митенькѣ 6, а Сережѣ 7 лѣтъ, Николенькѣ было 11 и, конечно онъ являлся коноводомъ всѣхъ дѣтскихъ игръ. Но это не были обыкновенныя дѣтскія шалости. Николенька жилъ въ мірѣ грезъ о всемірномъ счастьѣ и къ этому дѣтскому мистицизму съ особеннымъ увлеченіемъ пріобщался Л. Н.

Тутъ была какая-то „зеленая палочка“, на которой написанъ секретъ всемірнаго счастья, какая-то фанфаронова гора, на которую взобраться можетъ только мальчикъ, исполнившій цѣлый рядъ тяжелыхъ условій, какіе-то „муравейные“ братья, въ которыхъ превратятся всѣ люди,

когда великая тайна Николеньки, будетъ имъ открыта, когда ссоры, ненависть, болѣзни, исчезнуть съ лица земли и среди людей воцарятся миръ, любовь и согласіе. Эти мечты и фантазіи, навѣянные Николенькѣ разсказами про массоновъ и моравскихъ братьевъ, производили на Л. Н. глубокое впечатлѣніе.

Ужасы крѣпостного права почти не коснулись Ясной Поляны. Только послѣ смерти отца Л. Н. Толстой узналъ, и то совершенно случайно, что тѣлесныя наказанія практикуются и въ Ясной Полянѣ. Это открытіе произвело на него ужасное впечатлѣніе.

По мѣрѣ того, какъ Л. Н. подросталъ, въ немъ стали обнаруживаться нѣкоторыя странности. Его считали оригинальнымъ ребенкомъ, чудакомъ. Иногда ему приходило въ голову войти въ залъ задомъ и кланяться, откидывая голову назадъ. Однажды онъ вообразилъ, что можетъ полетѣть и выпрыгнуть изъ окна второго этажа на дворъ. Однажды, во время поѣздки изъ Пирогова въ Ясную Поляну, Л. Н. вылѣзъ изъ экипажа и побѣждалъ пѣшкомъ. Онъ бѣжалъ такъ оноло трехъ верстъ, пока совершенно не обезсилѣлъ.

Въ другой разъ, тоже въ дорогѣ, ему пришла въ голову фантазія остричь себѣ брови. Во всѣхъ этихъ выходкахъ проявляется не обычная дѣтская шаловливость, а та „самолюбивая застѣнчивость“, которую самъ Толстой считаетъ основной чертой своего дѣтскаго характера.

Осенью 1836 г. семья Толстыхъ переѣхала изъ Ясной Поляны въ Москву и поселилась на Плющихѣ, въ домѣ Щербачевыхъ, а лѣтомъ 1837 г. умеръ въ Тулѣ отъ удара (иные предполагаютъ, отравленный съ корыстной цѣлью своимъ камердинеромъ) гр. Николай Ильичъ. Долго Л. Н. не вѣрилъ тому, что отца ужъ нѣтъ. Долго послѣ этого, проходя по улицамъ Москвы, онъ былъ увѣренъ, что вотъ-вотъ онъ встрѣтитъ живого отца. Смерть бабушки, Пелагеи Николаевны, убѣдила мальчика въ реальности и безповоротности смерти. Послѣ смерти П. Н. Дмитрій, Левъ и Марія (младшія дѣти) снова переѣхали съ Т. А. Ергольской въ деревню. Опекуншей надъ дѣтьми назначена была графиня Александра Ильинишна Остенъ-Сакенъ.

„Тетушка эта была истинно-религіозная женщина“, — вспоминаетъ о ней Л. Н. — Она „жила истинно-христіанской жизнью, стараясь не только избѣгать всякой роскоши

и услугъ, но стараясь, сколько возможно, служить другимъ. Денегъ у нея никогда не было, потому что она раздавала просящимъ все, что у нея было“.

Осенью 1840-го года семья Толстыхъ переѣхала въ Москву, а послѣ смерти Александры Ильинишны, скончавшейся въ Оптиной пустыни, изъ Казани приѣхала сестра покойной, Пелагея Ильинишна Юшкова и увезла всѣхъ дѣтей въ Казань. Старшій изъ дѣтей, Николай, былъ въ эту пору студентомъ 1-го курса, а Льву Николаевичу было въ это время 13 лѣтъ.

Это путешествіе, продолжавшееся очень долго, Левъ Николаевичъ считаетъ началомъ своего короткаго отрочества, небогатаго внѣшними событіями, но богатаго духовными переживаніями, такъ ярко изображенными въ повѣсти объ отрочествѣ Николеньки Иртеньева. М-г Жеромъ повѣсти соотвѣтствуетъ m-r St. Thomas дѣйствительности, гувернеру, подготовившему Л. Н. къ поступленію въ университетъ.

Юность.

Пять лѣтъ прожили Толстые въ Казани, въ домѣ Юшковой, уѣзжая только на лѣто въ Ясную Поляну. Николай, Сергѣй и Дмитрій зачислились студентами философскаго факультета. Когда дошла очередь избрать себѣ факультетъ до Л. Н., онъ остановился на факультетѣ восточныхъ языковъ и къ поступленію на этотъ факультетъ готовился съ 1842 по 1844 г.

Студентомъ Левъ Николаевичъ велъ свѣтскій образъ жизни, дѣля свое время между балами, вечерами, катаньями и званными обѣдами. Трѣнъ жизни въ барскомъ домѣ Юшковыхъ требовалъ отъ Л. Н. прежде всего комильфотности, которая была идеаломъ тетушки. „Страшно вспомнить, сколько безцѣннаго, лучшаго въ жизни 16-лѣтняго времени я потратилъ на приобрѣтеніе этого качества“. Примкнувъ къ кружку студентовъ-аристократовъ, Л. Н. ничѣмъ, по внѣшности, не отличался отъ этихъ представителей казанской золотой молодежи, какъ они, кутилъ и, какъ они,—дѣлилъ родъ людской на людей *comme il faut*, съ которыми можно было имѣть дѣло, и на людей *mauvais genre*, самое существованіе которыхъ казалось имъ ненормальнымъ и

необъяснимымъ. Но подъ комильфотной внѣшностью, стоявшей ему столькожъ трудовъ, Л. Н. таилъ бурную душу, раздираемую сомнѣніями. Да и въ головѣ студента-аристократа роились уже въ эту пору свои, толстовскія мысли.

Къ карцерѣ, куда Толстой попалъ за непосѣщеніе лекцій исторіи, онъ развлекалъ своего товарища по заключенію, студента Назарьева, слѣдующими діатрибами:

— „Исторія—это ничто иное, какъ собраніе басенъ и безполезныхъ мелочей, пересыпанныхъ массой ненужныхъ цифръ и собственныхъ именъ. Смерть Игоря, змѣя, ужалившая Олега,—что это, какъ не сказки, и кому нужно знать, что второй бракъ Іоанна на дочери Темрюка совершился 21-го августа 1562 года, а четвертый, на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской, въ 1572 г.?..

...А между тѣмъ, мы съ вами въ правѣ ожидать, что выйдемъ изъ этого храма полезными, знающими людьми. А что мы вынесемъ изъ университета? Подумайте и отвѣчайте по совѣсти. Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись во-свояси, въ деревню. На что будемъ пригодны? Кому нужны?

Такъ говорилъ Толстой-баричъ, Толстой-аристократъ, съ презрѣніемъ взиравшій на людей, одѣтыхъ не по послѣдней модѣ.

Въ 46-мъ году Л. Н. началъ серьезно заниматься и толчокъ къ этимъ занятіямъ дала ему заданная ему профессоромъ Вейеромъ работа — сравнить «Духъ законовъ» Монтескье съ «Наказомъ» Екатерины, а въ 1874 году не сдавъ даже экзаменовъ на третій курсъ, Л. Н. выходитъ изъ университета.

„Причинъ моего выхода изъ университета было двѣ,—сообщаетъ Л. Н.:—1) что братъ (Николай) кончилъ курсъ и уѣзжалъ, 2) какъ эти ни странно сказать, работа съ «Наказомъ» и «Esprit de Lois» открыла мнѣ новую область умственного самостоятельнаго труда, а университетъ, со своими требованіями, не только не содѣйствовалъ такой работѣ, но мѣшалъ ей.

„Утро помѣщика“.

Какъ „Дѣтство, отрочество и юность“ дають намъ точное отраженіе жизни Толстого отъ первыхъ проблесковъ

сознанія до начала зрѣлости, такъ „Утро помѣщика“ даетъ намъ превосходную характеристику переживаній, овладѣвшихъ имъ послѣ выхода изъ университета. Уѣхавъ изъ Казани, Л. Н. отправился въ Ясную Поляну.

„Я выхожу изъ университета, чтобы посвятить себя жизни въ деревнѣ, потому что чувствую, что рожденъ для нея. Главное зло заключается въ самомъ бѣдственномъ, жалкомъ положеніи мужиковъ, и зло такое, которое можно исправить только трудомъ и терпѣніемъ. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастіи этихъ семисотъ человѣкъ (крѣпостныхъ), за которыхъ я долженъ отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старость и управляющихъ, изъ-за плановъ наслажденій честолубія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается блестящая и ближайшая обязанность. Я пошелъ по совершенно особой дорогѣ, но которая хороша и, я чувствую, приведетъ меня къ счастію“.

Попытка Л. Н. хозяйствовать на новыхъ началахъ и— главное — попытки установленія правильныхъ, разумно-дружелюбныхъ отношеній съ крестьянами кончились неудачно,— говоритъ П. Бирюковъ. — „Искренность Л. Н. не могла вынести положенія благотворителя своихъ рабовъ, т. е. людей, уязвленныхъ въ самомъ цѣнномъ для этихъ людей—ихъ духовномъ достоинствѣ“.

„Утро помѣщика“ кончилось для Неклюдова-Толстого разочарованіемъ. Толстому было въ ту пору около 20-ти лѣтъ.

Передъ Кавказомъ.

Проживъ лѣто въ Ясной Полянѣ, Л. Н. осенью того же 47 года ѣдетъ въ Петербургъ и въ началѣ 48 г. начинаетъ сдавать тамъ кандидатскій экзаменъ. Петербургъ нравится ему, и онъ рѣшаетъ навсегда остаться въ Петербургѣ, гдѣ „какое бы направленіе кто ни имѣлъ, всему можно удовлетворить, все можно развить и легко, безъ всякаго друга“.

Намѣренія Л. Н. скоро рѣзко измѣнились. Онъ оправдалъ репутацію „пустышнаго малаго“, которою онъ пользовался въ ту пору у своего брата Сергѣя. По крайней мѣрѣ отъ 1-го мая 1848 г. онъ пишетъ Сергѣю:

„...Я началъ было держать экзамены на кандидата и

выдержалъ два хорошо, но теперь переимѣнилъ намѣреніе, и хочу вступить юнкеромъ въ конно-гвардейскій полкъ. Мнѣ совѣстно писать это тебѣ, потому что я знаю, что ты меня любишь и тебя огорчатъ всѣ мои глупости и безосновательность“.

Но и этому плану не суждено было осуществиться. Весною Л. Н. опять въ Ясной Полянѣ. Ему сопутствуетъ нѣмецъ-музыкантъ Рудольфъ, съ которымъ онъ много занимается музыкой.

Въ Петербургѣ Л. Н. больше не показывается. Онъ живетъ то въ Ясной Полянѣ, то въ Москвѣ, растрачивая себя на кутежи, цыганъ и карты. „Живу совершенно скотски,—отмѣчаетъ Л. Н. въ дневникѣ (1850-й г.),—хотя и несовсѣмъ безпутно: занятія свои почти всѣ оставилъ и духомъ очень упалъ“.

Прожигая жизнь въ кутежахъ и игрѣ, Л. Н. не находитъ въ этомъ никакого удовольствіи. Онъ ищетъ выхода изъ этого заколдованнаго круга, прерывая кутежи серьезными размышленіями, самобичеваніемъ, припадками религіозности и порывами къ писательству. Онъ тяготится своею жизнью и ищетъ случая измѣнить ее.

Кавказъ.

Случай представился. Николай, служившій въ кавказской арміи офицеромъ, весною 1851 г. пріѣхалъ на побывку домой. Когда Николаю Николаевичу наступило время ѣхать назадъ, Л. Н. укатилъ съ нимъ.

Настроеніе Л. Н. во время этой поѣздки продолжало быть, какъ онъ рассказывалъ Бирюкову, самое „глупое. свѣтское“. Въ Казани онъ обратилъ вниманіе Николая на господина, ѣхавшаго безъ перчатокъ.

— Какъ видно, что какая то дрянь этотъ господинъ,—сказалъ Л. Н.

— Отчего?—спросилъ братъ.

— А безъ перчатокъ!

Николай Николаевичъ по прибытіи на Кавказъ, былъ откомандированъ въ укрѣпленный лагерь Старый Юртъ. Л. Н. послѣдовалъ за нимъ. Изъ этого аула Л. Н. ѣздилъ въ набѣгъ въ качествѣ волонтера. Здѣсь онъ пережилъ минуты высокаго поэтическаго воодушевленія и религіознаго

восторга. Его дневники и письма къ теткѣ, относящіеся къ этому періоду, показываютъ, какъ благотворно повліяли новыя условія жизни на душу Толстого. Въ октябрѣ онъ попадаетъ въ Тифлисъ, откуда онъ пишетъ теткѣ слѣдующія многознаменательныя строки:

„Помните, добрая тетенька, совѣтъ, который вы разѣ мнѣ дали, — писать романы. Такъ вотъ, я слѣдую вашему совѣту, и занятія, о которыхъ я вамъ писалъ, состоятъ въ литературѣ. Я еще не знаю, появится ли когда-нибудь въ свѣтъ то, что я пишу; но эта работа, которая меня занимаетъ и въ которой я уже слишкомъ далеко зашелъ, чтобы ее оставить“.

Такъ пишетъ Л. Н. о своей первой повѣсти.

2-го іюля Л. Н. окончилъ „Исторію моего дѣтства“ и отправилъ ее за подписью Л. Н. Т. въ редакцію „Современника“. 28-го августа Л. Н. читаетъ отвѣтъ Некрасова, тогдашняго редактора „Современника“:

„М. г. Я прочелъ вашу рукопись. Она имѣетъ въ себѣ настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолженія, не могу сказать рѣшительно, но мнѣ кажется, что въ авторѣ ея есть талантъ. Во всякомъ случаѣ, направленіе автора, простота и дѣйствительность содержанія составляютъ неотъемлемыя достоинства этого произведенія. Если въ дальнѣйшихъ частяхъ (какъ и слѣдуетъ ожидать) будетъ побольше живости и движенія, то это будетъ хорошій романъ. Прошу васъ прислать мнѣ продолженіе. И романъ вашъ, и талантъ меня заинтересовали. Еще я совѣтовалъ бы вамъ не прикрываться буквами, а начать печататься прямо со своей фамиліей, если только вы не случайный гость въ литературѣ. Жду вашего отвѣта. Н. Некрасов“.

„Исторія моего дѣтства“ появилась въ IX книжкѣ „Современника“, вышедшей 6-го сентября 1852 года. Гонорара Толстой за нее не получилъ.

Сестра Л. Н., Марія Николаевна, рассказывала Бирюкову о впечатлѣніи, произведенномъ въ ихъ семейномъ кругу этой вещью. Тургеневъ привезъ имъ свѣжую книжку „Современника“ и прочелъ вслухъ повѣсть новаго автора, отзываясь о ней съ восторгомъ. Всѣ были такъ далеко отъ мысли, что бы „Левочка могъ быть авторомъ такой вещи, что заподозрили въ ея авторствѣ Николая Николаевича.

Въ запискахъ Панаевой-Головачевой изображается впе-

чатлѣніе, произведенное „Дѣтствомъ“ въ Петербургѣ. На молодого, неизвѣстнаго никому автора похвалы сыпались со всѣхъ сторонъ. Когда книжки „Современника“ съ „Дѣтствомъ“ и „Отрочествомъ“ дошли до Достоевскаго въ Сибирь, Ѳ. М. просилъ въ письмѣ къ одному знакомому сообщить ему, кто этотъ таинственный Л. Н. Т.

18-го февраля 1850 года Л. Н. въ качествѣ запаснаго фейерверкера 4-й батареи принимаетъ участіе въ бою. Непріятельская граната разбиваетъ лафетъ пушки, которую наводитъ Л. Н. и разрывается у его ногъ. Л. Н. былъ на волосокъ отъ смерти. Лѣтомъ 1853 г. Л. Н. снова подвергается большой опасности и едва избѣгаетъ плѣна.

13-го января 1854 года онъ сдаетъ въ станицѣ офицерскій экзаменъ, а черезъ мѣсяцъ получаетъ назначеніе въ дунайскую армію и 14-го марта 1854 г. прибываетъ въ Бухарестъ. Въ ноябрѣ 1854 года Л. Н. прибываетъ въ Севастополь и остается здѣсь до конца осады.

Изъ дневника Толстого.

Богатая внѣшними событіями, эта полоса жизни Толстого еще богаче внутренними переживаніями. Въ дневникахъ его, веденныхъ на Кавказѣ и во время пребыванія въ дунайской арміи, сказывается уже Толстой—религіозный мыслитель и реформаторъ.

„Есть во мнѣ что-то, что заставляетъ меня вѣрить, что я рожденъ не для того, чтобы быть такимъ, какъ всѣ“, — записываетъ онъ въ началѣ кавказскаго періода, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ заноситъ въ дневникъ мысль, которая по выраженію Бирюкова, можетъ служить краткимъ выраженіемъ всего его позднѣйшаго міровоззрѣнія:

„Совѣсть есть лучшій и вѣрнѣйшій нашъ путеводитель, но гдѣ признаки, отличающіе этотъ голосъ отъ другихъ голосовъ? Голосъ тщеславія говоритъ также сильно. Примѣръ,—неотмщенная обида.

Тотъ человѣкъ, котораго цѣль есть собственное счастье — дурень. Тотъ, котораго цѣль есть, мнѣніе другихъ — слабъ. Тотъ, котораго цѣль есть счастье другихъ — добродѣтеленъ. Тотъ, котораго цѣль Богъ—великъ“.

Еще черезъ нѣсколько времени Л. Н. пишетъ:

„Будущность занимает насъ болѣе дѣйствительности Эта склонность хороша, если мы думаемъ о будущности того міра. Жить въ настоящемъ, т. е. поступать наилучшимъ образомъ въ настоящемъ—вотъ мудрость».

Въ дневникѣ отъ 5 марта 1855 г., Л. Н. пишетъ:

„Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль это — основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не общающей будущее блаженство, не общающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ. Привести эту мысль въ исполненіе, я понимаю, что могутъ только поколѣнія, сознательно работающія къ этой цѣли. Одно поколѣніе будетъ завѣщать мысль эту слѣдующему и когда-нибудь фанатизмъ или разумъ приведутъ ее въ исполненіе. Дѣйствовать сознательно къ соединенію людей религіей—вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня“.

Все это время Л. Н. не оставляетъ и литературной дѣятельности. По дорогѣ изъ Румыніи въ Севастополь, онъ кончаетъ „Рубку лѣса“, а въ Севастополѣ начинаетъ „Юность“ и пишетъ: „Севастопольскіе рассказы“. Александръ II читаетъ въ корректурѣ рассказъ „Севастополь въ декабрѣ 1854 г.“, и впечатлѣніе этого рассказа на государя такъ велико, что онъ приказываетъ удалить молодого офицера съ опаснаго мѣста. Л. Н. переводятъ на Бельбекъ, верстахъ въ 20-ти отъ Севастополя, и поручаютъ ему командовать горнымъ взводомъ.

Севастополь.

Какъ солдатъ и офицеръ, Л. Н. отличался храбростью. Какъ товарища, его всѣ любили. «Толстой своими рассказами и наскоро подобранными куплетами, одушевлялъ всѣхъ и каждого въ трудныя минуты боевой жизни», — вспоминаетъ о Л. Н. одинъ изъ его сослуживцевъ. — Онъ былъ въ полномъ смыслѣ душой нашего общества. Толстой съ нами—и мы не видимъ, какъ летитъ время, и нѣтъ конца нашему общему веселью; нѣтъ графа, укатилъ въ Симфе-

рополь, — и всѣ носы повѣсили. Пропадаетъ день, другой, третій. Наконецъ, возвращается, ну, точь-въ-точь блудный сынъ,—мрачный, исхудалый, недовольный собою. Отведетъ меня въ сторону подальше и начнетъ покаяніе. Все расскажетъ:—какъ кутилъ, игралъ, гдѣ проводилъ дни и ночи, и при этомъ, вѣрите ли, казнится и мучится, какъ настоящий преступникъ. Даже жалко смотрѣть на него—такъ убивается. Вотъ это какой человѣкъ! Однимъ словомъ, странный и не совсѣмъ для меня понятный, а съ другой стороны это былъ рѣдкій товарищъ, честнѣйшая душа, и забыть его рѣшительно невозможно».

Севастопольскія пѣсни, сочиненныя Толстымъ въ солдатскомъ духѣ, распѣвала вся армія. Непочтительный тонъ этихъ пѣсенокъ, конечно, не могъ понравиться въ Петербургѣ, и когда въ Петербургѣ узнали, что авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ» и этихъ куплетовъ—одно и тоже лицо, карьера его, какъ офицера, погибла. Послѣ взятія Малахова кургана, Л. Н. отправили курьеромъ въ Петербургъ. Военная карьера Л. Н. кончилась.

Толстой въ Петербургѣ.

«Отрочество» покорило Тургенева. Въ письмѣ къ Е. Я. Колбасину онъ говоритъ: «Очень радъ я успѣху «Отрочества». Дай только Богъ Толстому пожить, а онъ, я надѣюсь, еще удивитъ всѣхъ насъ. Это — талантъ первостепенный».

Послѣ появленія «Севастопольскихъ разсказовъ», Л. Н. становится на высоту корифеевъ того времени. Писемскій, прослушавъ отрывки изъ «Севастопольскихъ разсказовъ», выразился такъ: «Этотъ офицеришка всѣхъ насъ заключетъ, хоть бросай перо!»

Такимъ образомъ, посланный курьеромъ изъ Севастополя въ Петербургъ, онъ сразу попадаетъ въ кружокъ «Современника», гдѣ его встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями.

Остановился онъ у Тургенева. «Пустился во всѣ тяжкія,—говорилъ о немъ Тургеневъ.—Кутежи, цыгане, карты во всю ночь, а затѣмъ до двухъ часовъ спалъ, какъ убитый».

Тутъ уже опредѣлился въ отношеніяхъ между Толстымъ и Тургеневымъ тотъ антагонизмъ, который впослѣдствіи такъ разгорится. Спокойно спорить они не могли. Да и Толстой въ ту пору былъ особенно угловатъ и рѣзокъ въ спорахъ. Его преслѣдовала людская поза и фальшь и, какъ увѣрялъ Тургеневъ, предметомъ своихъ испытаній по части человѣческой неискренности Толстой избралъ его. Отсюда эта легкая воспламеняемость и вспышки въ ихъ отношеніяхъ. Тургеневъ, въ свою очередь, считалъ Толстого позеромъ.

Когда Тургеневъ только что познакомился съ графомъ Толстымъ, то сказалъ о немъ:

«Ни одного слова, ни одного движенія въ немъ нѣтъ естественнаго. Онъ вѣчно рисуется передъ нами, и я затрудняюсь, какъ объяснить въ умномъ человѣкѣ эту глупую кичливость своимъ захудалымъ графствомъ!»

Изъ литературныхъ произведеній Л. Н. за это время были написаны «Метель», «Два гусара», «Встрѣча въ отрадѣ» и «Утро помѣщика».

Петербургская жизнь не удовлетворила Л. Н. Вскорѣ послѣ приѣзда онъ сталъ хлопотать объ отставкѣ и началъ собираться за границу.

Въ ноябрѣ 1856 г. онъ вышелъ въ отставку, и теперь начинается новый періодъ его жизни.

Несмотря на рѣзкость своихъ сужденій и непризнаніе авторитетовъ, Толстой былъ желаннымъ членомъ кружка «Современника». Но Льва Николаевича среда эта не удовлетворяла. Некрасовскіе обѣды, утонченная Тургеневская ѣда—все это отшатывало его отъ себя.

Въ своей «Исповѣди» Толстой потомъ говорилъ:

«Изъ сближенія съ этими людьми я вынесъ новый порокъ—до болѣзненности развившуюся гордость и сумасшедшую увѣренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не знаю чему».

Толстой за границей.

Первое заграничное путешествіе Л. Н. совершилъ въ 1857 г., и тутъ ему пришлось быть свидѣтелемъ смертной казни которая оставила въ немъ неизгладимое впечатлѣніе.

Это было въ Парижѣ. Вотъ что пишетъ Л. Н. въ своей «Исповѣди» по этому поводу:

«Видъ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то и другое въ разъ застучало въ ящикъ, я понялъ—не умою, а всѣмъ существомъ, — что никакія теоріи разумности существующаго прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и что дурно, не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я со своимъ сердцемъ».

Изъ письма къ Т. А. Ергольской мы видимъ, что въ общемъ Л. Н. Остался доволенъ своимъ заграничнымъ путешествіемъ. Особенно въ Парижѣ онъ нашелъ много для себя интереснаго.

Во время пребыванія Л. Н. въ Швейцаріи, въ Люцернѣ, съ нимъ произошелъ извѣстный случай, описанный имъ въ разсказѣ, за которымъ онъ сохранилъ названіе этого швейцарскаго городка. Какъ характерно для будущаго Толстого то негодованіе, съ какимъ онъ отнесся къ черствымъ иностранцамъ, ограбившимъ уличнаго пѣвца, не давшимъ ему ни гроша! «Это событіе,—говорилъ онъ,—историки должны записать огненными, неизгладимыми буквами!..»

«Люцернъ» былъ напечатанъ въ «Современникѣ». Критика, не понявъ будущаго Толстого, замолчала разсказъ. Въ своемъ дневникѣ Толстой около этого времени говорить: «Я знаю, что у меня есть что сказать и силы сказать сильно: а потомъ—что хочешь говори, публика!»

Снова въ Россіи.

Вернувшись изъ-за границы, Толстой ведетъ свѣтскій образъ жизни; увлекается гимнастикой, охотой и отчасти общественной дѣятельностью, осенью 1858 г. тульское дворянство подало губернскому предводителю для передачи на обсужденіе губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ особую записку, въ которой проводится мысль, что крестьяне должны быть освобождены съ надѣломъ, съ тѣмъ

чтобы помѣщики за уступаемую ими землю получили «полное, добросовѣстное денежное вознагражденіе». Среди 105 подписей можно найти и подпись «крапивенскаго помѣщика графа Льва Толстого».

Пишетъ Л. Н. мало и неохотно. Въ 1859 г. онъ избирается въ члены общества любителей россійской словесности. По обычаю Л. Н. произнесъ вступительную рѣчь, въ которой коснулся вопроса о преимуществѣ художественнаго элемента въ литературѣ надъ всѣми ея временными направиленіями. Къ сожалѣнію, рѣчь эта не дошла до насъ. Л. Н.—чу отвѣчалъ Хомяковъ, благословившій его идти по пути, тоторый онъ избралъ.

Второе заграничное путешествіе.

Болѣзнь брата Николая застигла Льва Н—ча въ то время, когда Толстой началъ посвящать школѣ часть своего времени. Въ эту пору Толстой въ одномъ изъ писемъ къ Фету очень неблагопріятно отзывается о «Наканунѣ» Тургенева и «Грозѣ» Островскаго. «Гроза», по его мнѣнію, «плачевное сочиненіе». Далѣе онъ говоритъ: «Не намъ нужно учиться, а намъ нужно Марфутку и Тараску выучить хотя немного тому, что мы знаемъ».

Болѣзнь брата Николая, злѣйшая чахотка, заставила Л. Н. вторично отправиться за границу.

Николай Толстой былъ далеко не заурядный человекъ. Онъ обладалъ удивительной наблюдательностью, поражалъ своимъ добродушнымъ юморомъ. «То смиреніе передъ жизнью,—говорилъ Тургеневъ,—которое Левъ Толстой развивалъ теоретически, Николай Толстой примѣнялъ непосредственно къ своему существованію. Онъ дѣлился послѣднимъ съ бѣднякомъ. Разсказчикъ онъ былъ превосходный, но писать для него было почти физически невозможно».

Болѣзнь Николая, впрочемъ была лишь поводомъ, ускорившимъ отъѣздъ Л. Н. за границу. Дѣло въ томъ, что послѣ года, проведеннаго въ занятіяхъ въ школѣ, Л. Н. захотѣлъ съѣздить за границу, чтобы тамъ узнать, какъ онъ выражается въ «Исповѣди», «какъ бы это такъ сдѣлать, чтобы, самому, ничего не зная, умѣть учить другихъ».

По дорогѣ Л. Н. изучаетъ исторію педагогики. Онъ знакомится съ школьнымъ дѣломъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ. Въ Дрезденѣ Л. Н. видится съ извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ-народникомъ Бертольдомъ Ауэрбахомъ, рассказы котораго онъ очень высоко ставилъ. «Этому писателю,—говорилъ Толстой,—я обязанъ тѣмъ, что открылъ школу для крестьянъ».

Въ сентябрѣ 1860 года Николай Толстой скончался въ Гіерѣ на рукахъ Льва Николаевича.

Смерть брата сильно поразила Льва Николаевича.

Въ письмѣ къ Фегу онъ говоритъ:

«Ничто въ жизни не дѣлало на меня такого впечатлѣнія. Правду онъ говаривалъ, что хуже смерти ничего нѣтъ. А какъ хорошенько подумать, что она всетаки конецъ всего, такъ и хуже жизни ничего нѣтъ. Для чего хлопотать, стараться, коли отъ того, что былъ Николай Николаевичъ Толстой, для него ничего не осталось. Онъ не говорилъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ за каждымъ шагомъ ея слѣдилъ и вѣрно зналъ, что еще остается. За нѣсколько минутъ передъ смертью онъ задремалъ и вдругъ очнулся и съ ужасомъ прошепталъ: «да что жъ это такое?» Это онъ ее увидалъ, это поглощеніе себя въ ничто. А ужъ коли онъ не нашелъ ничего, за что ухватиться, что же я найду? Еще меньше. И ужъ вѣрно ни я и никто такъ не будетъ до послѣдней минуты бороться съ нею, какъ онъ».

Мысль о смерти съ тѣхъ поръ неотступно преслѣдуетъ Толстого. Она приводитъ его къ извѣстному кризису, изъ котораго онъ вышелъ побѣдителемъ.

Въ Гіерѣ Толстымъ написаны «Казакѣ».

Посѣтивъ Марсель, гдѣ онъ знакомился со школами, и Парижъ, Левъ Николаевичъ отправился въ Лондонъ и посѣтилъ тамъ Герцена. Герценъ восхищался Толстымъ, какъ художникомъ, философскія же его воззрѣнія находилъ слабыми и бездоказательными. О чемъ они вели разговоръ—до насъ не дошло. Дочь Герцена, Наталья Александровна, утверждаетъ, что Толстой съ увлеченіемъ рассказывалъ ей отцу о пѣтушиныхъ бояхъ и о состязаніи боксеровъ. Ни одного задушевнаго слова она не слыхала.

Посѣтивъ не мало школъ въ Германіи, Франціи и Англіи и ознакомившись съ педагогическими теченіями въ Европѣ, Толстой вернулся въ Россію, куда его сильно тянуло.

Тургеневъ и Толстой.

Приѣхавъ въ Россію вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, Толстой съ жаромъ берется за общественную дѣятельность. Онъ работаетъ на административномъ поприщѣ, въ должности мирового посредника, и на поприщѣ педагогическомъ, какъ организаторъ школъ и писатель по вопросамъ педагоги.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этой полосѣ жизни .І. Н., необходимо, въ силу хронологической послѣдовательности, остановиться на относящемся къ этой порѣ столкновеніи между Тургеневымъ и Толстымъ. Эта исторія такъ часто вспоминалась въ печати, что мы ограничимся лишь нѣсколькими словами.

Слишкомъ несходные между собой по взглядамъ и привычкамъ писатели были въ вѣчномъ антагонизмѣ.

Въ гостяхъ у Фета Тургеневъ, говоря о воспитаніи своей дочери, замѣтилъ, что гувернантка заставляетъ ее забирать худую одежду у бѣдняковъ и возвращать починенной.

Толстой нашель, что «разряженная дѣвушка, держащая на колѣняхъ грязные и зловонные лохмотья, играетъ неискреннюю театральную сцену».

Завязалась легкая перепалка, кончившаяся тѣмъ, что Тургеневъ произнесъ: «если вы будете такъ говорить, я вамъ дамъ въ рожу».

Толстой послалъ вызовъ. Дуэль на пистолетахъ съ шампанскимъ онъ считалъ пошлостью и требовалъ стрѣляться на ружьяхъ. Къ счастью, Тургеневъ скоро одумался, призналъ себя кругомъ виноватымъ, извинился. Отношенія, однако, были испорчены, тѣмъ болѣе, что подоспѣла сплетня, сдѣлавшая свое обычное дѣло.

Все-таки черезъ нѣсколько лѣтъ на Толстого нашла такая минута, когда ему стало невыносимо имѣть врага. И онъ пишетъ Тургеневу письмо, въ которомъ проситъ простить, если тотъ себя считаетъ оскорбленнымъ. Но письмо это еще не поставило точки ко всей исторіи.

Сближеніе между двумя писателями произойдетъ позднѣе и закончится такъ извѣстнымъ письмомъ умирающаго Тургенева. Но объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Толстой—мировой посредникъ.

Репутація человѣка, не обирающаго своихъ крестьянъ, чуть не стала препятствіемъ къ назначенію Толстого мировымъ посредникомъ. Назначенъ онъ былъ на эту должность тульскимъ губернаторомъ вопреки мнѣнію губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства.

Въ мировомъ сѣздѣ, состоявшемъ изъ посредниковъ, которымъ не по душѣ была дѣятельность Толстого, его рѣшенія сплошь и рядомъ отмѣнялись. И только въ губернскомъ присутствіи онъ находилъ поддержку.

Помѣщики придумывали всякія хитрости, чтобы дать крестьянамъ земли какъ можно меньше и какъ можно хуже. Толстой, замѣчая эти стремленія, не утверждалъ уставныхъ грамотъ и добивался ихъ уничтоженія. Немудрено, что помѣщики инсинуировали, что Толстой бросилъ «сѣмена раздора» между помѣщиками и крестьянами «Посредничество, — писалъ Толстой въ своемъ дневникѣ, — поссорило меня со всѣми помѣщиками и разстроило здоровье».

Въ февралѣ 1862 г. Толстой сложилъ съ себя обязанности мирового посредника.

Педагогическая дѣятельность.

Педагогическія статьи Толстого помѣщенныя въ его журналѣ «Ясная Поляна» и перепечатанныя въ 4-мъ томѣ его сочиненій, даютъ полную картину его дѣятельности на поприщѣ народнаго образованія. Здѣсь мы напомнимъ только о судьбѣ яснополянской школы.

Весной 1862 г. Л. Н., утомленный усиленной дѣятельностью, почувствовалъ себя больнымъ и, опасаясь чахотки, отправился въ башкирскую степь на кумысъ.

Во время его отсутствія, въ яснополянской школѣ произошло неожиданное событіе: прискакали жандармы, чины уѣздной полиціи и сдѣлали тщательный обыскъ, — поднимали даже ломомъ полы и шарили въ прудѣ, въ поискахъ типографскаго станка, искали и въ школѣ, и въ домѣ. Не найдя ничего, поѣхали по другимъ школамъ того же мирового участка, вездѣ перевортывали столы, забирали книги и тетради, арестовывали учителей.

Узнавъ объ этомъ, Л. Н. говорилъ: «Какое огромное счастье, что меня не было дома. Ежели бы я былъ, то теперь, навѣрно, судился бы какъ убійца».

Оставить такъ это дѣло Л. Н. не могъ,—слишкомъ ужъ онъ былъ задѣтъ и возмущенъ тѣмъ потрясеніемъ, которое вынесли во время обыска его тетка и сестра (нынѣ монахини). Онъ полагалъ, что, если онъ не получитъ удовлетворенія, ему остается только продать имѣніе и бросить Россію. «гдѣ нельзя узнать минутой впередъ, что тебя ожидаетъ».

Кончилось тѣмъ, что Л. Н. лично подалъ въ Москвѣ императору Александру II просьбу объ удовлетвореніи. Послѣ этого къ Л. Н. былъ посланъ флигель-адъютантъ съ извиненіемъ.

Но власти еще не успокоились. Министерству внутреннихъ дѣлъ мозолилъ глаза журналъ «Ясная Поляна». Мин. внутр. дѣлъ обратился къ мин. народн. просв. съ бумагой, въ которой указывалъ на вредное направленіе журнала и просилъ «обратить особое вниманіе цензора на это изданіе» (цензура тогда была въ вѣдѣніи министерства народного просвѣщенія).

Однако, министръ нар. просв. оказался либеральнѣе своего коллеги и отвѣтилъ ему, что дѣятельность графа Толстого заслуживаетъ полного уваженія.